

**Военные
Приключения**

РАССТРЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ

ИГОРЬ БОЛГАРИН

Адъютант его превосходительства

Игорь Болгарин

Расстрельное время

«ВЕЧЕ»

2010

Болгарин И. Я.

Расстрельное время / И. Я. Болгарин — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Адъютант его превосходительства)

ISBN 978-5-4444-7833-2

1920 год. Гражданская война близится к концу. Барон Врангель, окопавшийся в Крыму, постепенно теряет свои позиции. Павел Кольцов, уполномоченный комиссар ВЧК, откомандирован на Южный фронт, под Каховку. Кольцову поручено контролировать действия анархистов при форсировании Сиваша и захвате врангелевских позиций. Кольцов отправляется в расположение махновцев, но по дороге попадает в непредвиденные обстоятельства, которые могут повлиять на его дальнейшее пребывание в Крыму... Кольцову предстоит решить множество сложных задач. Кто из его окружения является предателем? Почему врангелевцы охотятся за ним? Как ликвидировать банду, которая нападает на имения бывших аристократов и захватывает невывезенные ценности? Как уберечь пленных врангелевцев от бессмысленной жестокости и расстрелов? Как противостоять Розалии Землячке, облеченной почти неограниченной властью, и ей подобным, готовым превратить Крым в кладбище одним лишь росчерком пера?

ISBN 978-5-4444-7833-2

© Болгарин И. Я., 2010

© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	16
Глава третья	27
Глава четвертая	37
Глава пятая	44
Глава шестая	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Игорь Яковлевич Болгарин

Расстрельное время

Часть первая

Глава первая

День не заладился с самого раннего утра. Ещё вчера был веселенький, солнечный, с легким морозцем, а к утру небо над Харьковом затянуло тяжелыми тучами, подул пронизывающий ветер, и на землю посыпалась белая крупка, а потом и вовсе заморосило, захлюпало под ногами.

– Ну и погода! – сказал Бушкин, как-то боком вышагивая рядом с Кольцовым: то ли пытаюсь прикрыть его от порывов ветра, то ли пряча свое лицо от мокрого косого дождя. – Не то осень, не то зима! В такую погоду помирать не жалко!

– А вы, Тимофей, оставались бы при Иване Платоновиче, – посоветовал Кольцов. – Троцкий вас к нему откомандировал.

– Когда это было! Я с лета то при Иване Платоновиче, то при вас. Вернусь обратно, меня свободно могут в дезертиры записать, – не глядя под ноги, ступая по лужам, возразил Бушкин. – Не, я уж – при вас. Не хочу больше на бронепоезде кататься. Поначалу ничего, а потом приедается. Скуотища. А с вами – бедовая жизнь. Вон даже в Париже побывал. Такое и во сне не могло присниться.

– Да уж удали у нас – через край... – буркнул Кольцов.

Ставка Южного фронта несколько дней назад переместилась под Каховку. Вместе с Фрунзе поближе к фронту выехал и Менжинский¹ со своим Особым отделом. Но кто-то по каким-то причинам не успел на этот «литерный» эшелон. Они постепенно собирались в гулком опустевшем здании, занимавшем Особый отдел. Встречал всех Гольдман, составлял список. Часам к десяти собрались пятнадцать человек, вместе с присоединившимся к ним Бушкиным.

Больше ждать было некого. И они всей гурьбой двинулись на железнодорожный вокзал.

На переговоры с военным комендантом пошли двое: Кольцов и Гольдман. Еще ранним утром сотрудники Особого отдела сразу же выделили среди своей среды Кольцова, и со всеми вопросами и предложениями почему-то обращались именно к нему. Гольдман всем своим деловым видом показывал, что сейчас, в отсутствие руководства, является здесь главным: составлял списки, укоризненно отчитывал опоздавших, отдавал какие-то незначительные команды, которые никто не выполнял. Но вскоре и сам признал своим временным начальником несуетливого и не слишком разговорчивого Кольцова.

У военного коменданта станции было многолюдно, тесно и густо накурено. Сам комендант, горло которого было замотано в темно-серый шерстяной шарф, хрипло отбивался от посетителей. Особенно настойчиво наседали на него высокий и тощий морячок, похожий на калмыка.

– Понимаешь, у меня люди могут без харча остаться. А им – в бой. На пустое-то брюхо!

– Чего ж не понять? Очень даже понимаю... – хрипло отбивался комендант.

– Так предпринимай!

– А что я могу! Белгород с самого утра ни один эшелон на Харьков не выпустил.

¹ Вячеслав Рудольфович Менжинский (19 (31) августа 1874, Петербург – 10 мая 1934, дача Горки-6, Архангельское Московской области) – советский партийный деятель, чекист, преемник Ф.Э. Дзержинского во главе ОГПУ (1926–1934).

– Это называется саботаж!

Остальные, поддерживая морячка, тоже забузотёрили.

– По законам военного времени... – почувствовав поддержку, морячок потянулся к болтавшейся у колена деревянной кобуре маузера.

– Вот этого – не надо! – протиснувшись к заваленному бумагами столу, твердо сказал Кольцов. – Что происходит?

– Саботажника, понимаешь, выявили! – обернулся к Кольцову морячок. – С утра ни одного эшелона с Белгорода не принял. Видать, сговорились. Надо бы туда кого-нибудь из ЧК направить, пусть разберутся.

– Ну, я из ЧК, – спокойно сказал Кольцов. – Ну и что ты хочешь?

– Так явный же саботаж! – не унимался матросик. – Давай, братишка, сообщай их к ногтю! – с жаром предложил он.

– «К ногтю» – не вопрос. А, может, сначала разберемся, – и невозмутимый Кольцов обернулся к коменданту. – Я – из Особого отдела. И вот товарищ, – он указал глазами на Гольдмана.

Комендант узнал Гольдмана:

– Здравствуйте, Исаак Абрамович! – с облегчением вздохнул он. И затем сказал морячку с калмыцким лицом: – Вот, товарищи из ЧК². Разбирайтесь. И, пожалуйста, не машите перед моим носом маузером.

– Доложите обстановку, – всё также спокойно попросил Кольцов.

– А чего докладать-то... Вчера и позавчера гнали эшелоны на фронт. А с ночи Белгород порожняк потребовал. Отправил все, что скопилось. Дорога не справляется. Вот и задержка. А этот... – комендант обиженно взглянул на морячка.

– Вы на него не сердитесь, – миролюбиво сказал Кольцов. – У всех у нас нервы сдают.

– А у меня, думаете, из каната нервы?

– Разумеется, нет... Сочувствую. Вот и давайте сообща подумаем, как из положения выходить. У меня тоже пятнадцать человек, и их ждут там, под Каховкой.

– Ваш «литерный» еще прошлой ночью отправили. Я думал, вы уже на фронте.

– Не все успели. Надо было кое-какие дела закончить, – объяснил Гольдман.

– Понимаю... Но, к сожалению, пока ничем не могу помочь, – с сочувствием сказал комендант и беспомощно развел руками. Затем пояснил: – Часам к четырем-пяти дня все рассосется, и, надеюсь, тут же отправлю всех вас до Павлодара, а там пусть эти... – он жестом указал на морячка и его команду, – пусть они там павлодарского коменданта маузером страшат.

Окружение морячка напряженно ждало, чем закончится этот разговор.

– Ну что ж. Подождем, – спокойно сказал Кольцов и тем самым обезоружил крикливое окружение морячка.

– Во! Видали! Люди сразу всё поняли, – сердито взглянул на морячка комендант. – А ты...

– А у меня три вагона продовольствия, – огрызнулся морячок.

– Продовольствие – не патроны, – сказал комендант. – В империалистическую мы больше всего за боеприпасы беспокоились. Без боеприпаса верная смерть. А без продовольствия...

– Да не протухнет твое продовольствие, – поддержал коменданта Гольдман и тут же спросил: – А скажи мне, Андрей Степанович, не найдется ли в твоём хозяйстве приличного пассажирского вагона. У меня народ измотан недосыпами. Хоть бы в дороге отоспаться...

² ВЧК СНК РСФСР – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Позже Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Совете народных комиссаров РСФСР – орган по защите государственной безопасности СССР с 20 декабря 1917 до 6 февраля 1922 года.

– А вот с этими горлохватами и поедете, – мстительно указал комендант на морячка. – У него всего двенадцать человек, а занимает не по чину весь спальный вагон.

– Но-но! Полегче! Горлохваты! – взъерепенился морячок. – А насчет вагона, то нам с посторонними нельзя. У нас секретное донесение... На нем пять сургучных печатей.

– А они – из ЧК, – убедительно произнес Андрей Степанович, кивнув на Кольцова и Гольдмана. – Они до всех секретов допущены.

– Насчет ЧК надо бы ещё проверить! – высказался кто-то из окружения морячка.

– Во-во! А то часто такие фармазоны³ случаются. Один поляк когда-то себя за российского императора выдавал. Проверили, а при нем никаких документов, – поддержали моряки своего сотоварища.

– Вы б, граждане, документы предъявили. Чтоб никаких сомнений, – вежливо попросил морячок.

– Документы! – дружно поддержали его свои.

– Насчет документов не возражаю, – согласился Кольцов. – Время военное, – и достал из бокового кармана своей кожанки удостоверение. Морячок бегло его просмотрел, протянул пожилому товарищу. Тот, прежде чем принять его, старательно вытер руки о полу шинели и приладил на носу очки. Лишь после этого взял удостоверение, прочитал:

– Пол-но-моч-ный пред-стави-тель ВЧК! – и, восхищенно покачав головой, повторил: – Полномочный представитель! Скажи, пожалуйста! И круглая печать! Всё чин-чинарем! Это вроде как товарищ на все имеет полномочия. Может в печь тебя сунуть и пепел не востребовать!

Возвращая удостоверение Кольцову, морячок сконфуженно сказал:

– Извините, не сразу признали!

– То-то же, оглоеды! Теперь поняли, с кем ехать будете? – отомстил комендант компании морячка за бузу. – Моду взяли, чуть что, хвататься за маузер.

– Ну и ладно! Ну и не серчай! Будем живы, после войны замиримся!

– Охо-хо-хо... Когда еще эта война кончится... – вздохнул комендант.

– Дня через три. От силы – через четыре, – убежденно сказал самый крикливый из компании морячка, эдакий крепенький боровичок в мохнатой овечьей шапке.

– Это кто ж тебе такое сказал?

– Знакомая цыганка.

– Ты больше им верь, цыганам.

– Верю. Она мне года три назад, еще в самом начале революции, сказала: смело ступай на войну, живой вернешься, и в хозяйстве прибыль будет. И что? Недавно случаем односельчанина встретил. Он мне и говорит: у тебя, Матвей, сын родился.

– Как же это? На побывку вроде не ездил, – высказал сомнение кто-то из команды морячка.

– Я и сам поначалу сумлевался. С полковым ветеринаром советовался. Сказал, может такое быть. Вполне, говорит, природное явление – задержка у бабы вышла. И ту цыганку недавно повстречал. Твое, говорит, дите.

– И правильно! И верь! – сказал пожилой. – Мужик в хозяйстве, чем не прибыль.

– И я так подумал, – согласился боровичок. – И что самое интересное, я опосля этого смерти перестал бояться. Мовет, и на этот раз цыганка не сбыхала: живой с войны возвернулся.

Зазвонил телефон. Комендант схватил трубку, просипел:

– Ты, Забара? Погоди малость! – и, прикрыв ладонью трубку, нарочито сердито сказал посетителям: – А ну, братва, выметайтесь в залу! Накурили, наплевали! Не кабинет, а хлев,

³ Фармазон – вольнодумец, нигилист, во время Гражданской войны вошло в обиход, как мошенник.

ей-богу! – и вновь приложил трубку к уху. – Слухай меня, Забара! Ты встречу помалу освобождай! Выпускай до меня груженные!

Посетители тихонько, на цыпочках, следом за Кольцовым и Гольдманом, освободили кабинет военного коменданта.

* * *

Вечером их прицепили к первому же прибывшему из Белгорода эшелону, и они покинули Харьков.

Команда морячка оказалась на редкость дружной, частью состоящая из хозяйственных мужиков, крестьян. На каком-то полустанке они добыли кипяток. Одно купе превратили в столовую. Из своих вместительных сидоров извлекли хлеб, лук, немецким тесаком мелко порезали увесистый шмат сала и разложили всю эту снедь на нижней спальной полке. На второй нижней хозяином уселся морячок и ещё трое, которые постарше. Остальные стояли в проходе или же забрались на верхние полки и уселись там, по-мусульмански подобрав под себя ноги. Еду передавали им наверх.

После того как поужинали все свои, морячок подошел к Кольцову, кашлянул, чтобы обратить на себя внимание.

– Может, не откажетесь чуток повечерять. Я – Жихарев, начснаб Девятой. Вы, насколько я запомнил, Кольцов? У вас тоже день, гляжу, выдался колготной. Проголодались небось?..

– Ничего, до Снегиревки потерпим.

– Зачем же терпеть? Или все еще обижаются?

– Пока причин не было.

– Вот и договорились. Зовите своих. Разносолов нету, а хлебом с салом поделимся до самой Снегиревки. Кипятком тоже. Он хоть и не чай, а все же душу греет.

После ужина все перемешались – свои, чужие. Сбивались в кучки, разговаривали о наболевшем. Лишь один Гольдман немного побродил по вагону, а затем забрался на верхнюю полку и уснул.

К Кольцову подсели трое из компании морячка: пожилой, который проверял удостоверение, мужичок-боровичок и угрюмый крестьянин со злыми глазами.

Пожилой сказал Кольцову:

– Вы, конечно, извините, но имеется вопрос, а задать некому.

– Спрашивайте. Если сумею, то отвечу.

– Приезжал до нас в полк этот... как его... лектор. Грамотнющий! Про Карла Маркса рассказывал, про то, как он представляет нашу дальнейшую коммунистическую жизнь. Но шибко непонятно говорил. Слова все вроде русские, по отдельности понятные, а все вместе разуму недоступные. Вроде как-то по-иностранному. А вопрос такой: какая власть будет при коммунизме? Кто будет нами править? Промеж себя мы так решили, что будет царь. Как же без царя? Но будет он наш, коммунистический. Может, Ленина назначат, или кого другого?

Кольцов вспомнил свою недавнюю поездку в Париж.

Ехал он с делегацией крестьян, которая благодаря хлопотам норвежского ученого Фритьофа Нансена направлялась на конференцию, чтобы поучаствовать в ней и в конечном счете склонить французов отказаться от помощи Врангелю продовольствием и боеприпасами, и даже попытаться уговорить их прекратить войну с советской Россией.

Тогда-то он и стал свидетелем спора крестьянских делегатов о будущем переустройстве России.

Раньше, в семнадцатом году, лозунг «Мир народам, фабрики – рабочим, земля – крестьянам!» был понятен всем. Он служил далекой, но желанной целью. А сейчас, когда дело приближалось к окончанию войны, многие стали задумываться: а как все это будет выглядеть

на деле? «Мир народам!» – тут все ясно и объяснения не нужны. А дальше? Как будет выглядеть новая власть? Каким образом получают рабочие фабрики, а крестьяне землю?

Каждый толковал это по-своему, и толкований было великое множество. Потому, как никогда в мире такой власти ещё не было.

Трое мужичков с интересом ждали, что ответит им комиссар. Он-то поближе к власти.

– Вопрос не простой, – после некоторых раздумий, чистосердечно ответил Кольцов. – Боюсь, я на него тоже не сумею внятно ответить. У меня, как и у вас, было не так много времени, чтобы во всем разобраться. Да и книг про это пока еще очень мало.

– Тогда спрошу по-другому, – не унимался пожилой. – Скажите, почему вы за эту власть воюете? Вы-то больше нас во всем разбираетесь. Значит, как-то представляете наше будущее? Чем оно вас привлекает?

– А вы? Вы, почему воюете? – вместо ответа спросил Кольцов.

– Мы? Известное дело, мы – за землю. Это если коротко объяснять. Потому, как если у тебя есть земля, а к ней еще две руки, то уже не пропадешь. Ни ты, ни твоя семья. Нет земли: куда податься? Только в батраки до помещика. Иного пути нет. А вы – другое дело. Вы грамотный, у вас есть до кого прибиться, вас везде примут.

– Не совсем так, – не согласился Кольцов. – Мой отец был клепальщиком на судоремонте, такая участь и меня ждала. Богатые в свой круг чужих не очень-то пускают. Грамотный, не грамотный – не столь важно. Как был мой отец для них «черной костью», таким и я останусь. И дети мои, и внуки.

– Стало быть, вы тоже за свой кусок воюете. Ну, не за землю, а, как бы это сказать, за власть?

– Нет. Мы, большевики, воюем не за власть, а за полное ее переустройство. Чтоб землей действительно владел и распоряжался крестьянин, фабрикой – рабочий. Чтоб все богатство, которое они своими руками создают, им и досталось. Чтоб все было по справедливости.

– А она есть хоть где-нибудь на свете, справедливость-то эта? – вклинился в разговор и мужичок-боровичок.

– Если богатства страны окажутся в руках народа, тогда только и возможна справедливость.

– Вот и вы, как тот лектор, – с некоторым разочарованием сказал пожилой. – Слова все вроде русские. И сперва все понятно: фабрики – рабочим, земля – крестьянам. А как поглубже подумаешь про ту справедливость, так становится не очень-то и понятно. Вот, к примеру: одному чернозем достанется, а другому – сплошная глина. Уже неравенство. Чтоб вам понятнее: одна фабрика плуги выпускает, или там бороны, а другая – держки для лопат. Тоже вещь в хозяйстве нужная. Ну и кто из них на своей продукции больше заработает? А вы говорите: справедливость.

– Справедливость будет устанавливаться законом. Больше работаешь – лучше тебе заплатят. Справедливо?

– Не знаю. Мне досталась плохая земля, сплошная глина. Сил в нее вкладываю немерено, а отдача втрое меньше чем у того, кому жирный чернозем достался. И как тут быть?

– Вот-вот! Где ж тут справедливость? – загудели остальные двое.

– Закон! – стоял на своем Кольцов. – С тебя государство меньший налог возьмет, а у кого чернозем – больший.

– Ну и где ж тут справедливость? Я втрое больше сил затратил, пока вырастил свое зерно, а он только слегка поднапрягся.

Загнали мужики Кольцова в тупик.

– Я думаю, закон и это учтет.

– Хорошие законы можно написать, бумага все стерпит. А вот кто их исполнять будет? И как?

– Царь нужен! – громко сказал мужик со злыми глазами. – Или кто вместо него править будет. И следить, чтоб закон справно сполнялся.

– Без царя никак нельзя! Народу какой-никакой, а царь нужен! – поддержал товарища мужичок-боровичок. – Лучше, конечно, что б наш, большевистский. А то у царских царей много родни набирается. То, понимаешь ты, сват, то брат, то кум, другая всякая родня, а еще разные кореша. Думаете, не подкинет он им чего-нибудь от своей милости, не порадеет за своих? Так закон подправят, что от справедливости одна память останется. Бедный как был, так и останется бедным.

– Государством будет управлять не царь, а сотня, может, две самых мудрых, честных и справедливых людей, – сказал Кольцов.

– А как их определишь? По физиономиям?

– Определим. Всем миром. Про хорошего человека молва далеко летит. Соберем самых лучших со всей России. Одни будут законы сочинять, а другие следить за их исполнением.

– Не выйдет! – решительно сказал первый мужик, который и затеял весь этот разговор. – Известно, человек слаб – подкупят его. Одного сразу, другого – чуток погода. А честные и справедливые, если они останутся, ничего не смогут сделать. Потому что их на всю Россию, дай Бог, с десяток останется. А то и вовсе справедливые постепенно станут несправедливыми, и все законы станут выпускать себе на пользу.

– Такого не может быть! – убежденно возразил Кольцов.

– Все может быть. Деньги любого человека сломают. Одного – малые деньги, а иного – тыщи.

– А ну, как опять несправедливые к власти придут и примут несправедливые законы? Что, начинай все сначала? Новую революцию? Силенок-то уже не хватит. А где гарантия, что такое снова не случится?

– Гарантия – маузер! – вмешался Жихарев, который все это время неприметно стоял в проходе и тоже слушал беседу. – Потому что людям нужен страх. Без страха расейский народ никуда не сдвинешь, ни в какую сторону.

– Царь нужен! – снова повторил мужик со злыми глазами и, призывая к вниманию, поднял вверх указательный палец. – Только такой, чтоб из приюта, без родни и не женатый. На крайность, пушай на сироте женится. Один царь много не съест. А если с кучей родни и всяких разных дружков, такого Расея уже не прокормит.

– От те и раз... Поговорили... – огорченно вздохнул пожилой. – Слова все понятные, а ничего не прояснилось.

В другом конце вагона Тимофей Бушкин рассказывал о Париже. Вокруг него собрались товарищи и снабженцы из команды Жихарева. Слушали, затаив дыхание.

Разбредились по своим местам, когда за окнами уже забрезжила рассветная синева.

* * *

Проснулся Жихарев в полной тишине. Все спали. Лишь в конце вагона теплился слабый огонек керосинового фонаря, и Бушкин все еще продолжал что-то втолковывать нескольким жихаревским снабженцам.

Жихарев сунул ноги в сапоги, прошел к полуночникам и, смачно зевнув, спросил:

– Чего стоим-то?

– Так всю ночь: час едем, два стоим. Должно, какой-то полустанок.

Жихарев прислонился к грязному вагонному окну, но за ним ничего не было видно, лишь угадывалась белесая пелена.

– Снег, что ли?

– Всю ночь шел. Но такой... – снабженец поискал подходящее слово, – не регулярный.

Жихарев вышел в тамбур, отрыл дверь. В вагон тотчас заполз сырой воздух, пахнув снежной свежестью, заполняя все его прокуренное нутро. Полустанок окутывал плотный туман. Что за остановка, спросить было не у кого. Где-то вдали сиротливо перекликались маневровые «кукушки», и уже только это свидетельствовало, что стоят они вовсе не на крохотном полустанке.

Жихарев спустился на насыпь, под ногами зашуршала ракушечная подсыпка. Огляделся. Сквозь туманную пелену с трудом угадывалось безмолвное и мрачное нагромождение вагонов.

Осмотревшись, Жихарев решил проверить свое хозяйство – три, груженных продовольствием, вагона, а затем решил пройти вдоль эшелона дальше, к станции. Судя по всему, она находилась в той стороне, откуда доносились простуженные голоса маневровых паровозов.

Двери трех продовольственных вагонов были закрыты, на запорных крюках как и положено, свисали свинцовые пломбы. А дальше, за его вагонами, ничего не было – пустота. Похоже, их отцепили от состава и загнали в какой-то тупик.

Жихарев пошел к станции, исследуя окружающее пространство. Слева на путях светили ребрами искалеченные, давно вышедшие из строя товарняки, изуродованные и разбитые снарядами паровозы, зиял огромной дырой бронированный вагон.

Нет, это был не просто тупик, а станционное кладбище паровозов и вагонов. За что, за какие провинности их вагоны сунули именно сюда?

Он долго брел в тумане, стараясь не потерять «свою» колею. С любопытством разглядывал хлам, покоящийся на глухой привокзальной окраине.

По сторонам в серой туманной мути белесыми пятнами угадывались керосиновые фонари. Жихарев вглядывался в туман, надеясь увидеть кого-нибудь из железнодорожников. Но, увы, тщетно... Уходить далеко в сторону он боялся из-за тумана и скопления вагонов. И каждый раз, отойдя немного, снова возвращался на свою колею, опасаясь заблудиться и потерять свои вагоны из вида.

Наконец впереди он увидел какую-то странную фигуру в брезентовом до пят плаще и в остроконечном капюшоне.

Жихарев прибавил шаг, чтобы догнать незнакомца.

– Слышь, товарищ! Подожди малость, вопрос имеется! – окликнул он.

Человек в плаще остановился.

– Туман, понимаешь, мать его. Куда нас эти рас... загнали? Не можем, понимаешь, разобратся.

Человек в плаще обернулся. И из-под капюшона на него устремила вопросительный взгляд миловидная девушка.

Жихарев осекся.

– Извините, гражданочка. Как бы сказать, униформа подвела... И туман... Не разглядел спервоначалу. Не разъясните, что это за станция? Как называется?

– Синельниково.

– Так! Уже хорошая новость, – повеселел Жихарев. – А не подскажите, куда этот путь ведет? На Александровск, чи, может, на Екатеринослав?

– В тупик.

– Похужее новость. Идем дальше... Вот, если б я, к примеру, заблудился, каким макаром мне свои вагоны отыскать? Они на этом пути стоят.

– Спросите четвертый тупик. Вам подскажут, – посоветовала незнакомка.

– А вокзал, извините, в той стороне? – Жихарев махнул рукой.

– Ещё метров тридцать пройдет, и он будет справа. Туман уже рассеивается. Увидите...

И девушка торопливо двинулась по насыпи дальше. Жихарев зашагал следом.

– Спасибочко вам. Очень вы мне, извиняюсь, приглянулись. Война кончается, так, может, свидимся для дальнейшего, как говорится, продолжения беседы?

– Почему ж не свидеться! Очень даже возможно.

– Как же я вас найду?

– Просто. На этом же месте! – хохотнула девушка и свернула влево. Перешла через несколько путей, и обернувшись, крикнула: – Слышите, кавалер! Сворачивайте направо, выйдете прямо к вокзалу!

Жихарев хотел что-то ответить, но ее заслонил невесть откуда возникший маневровый паровоз. Он тащил несколько платформ со стоявшими на них артиллерийскими орудиями.

Жихарев замер в ожидании. Но когда проплыли платформы, девушка уже растворилась в тумане. Он еще немного постоял и пошел дальше, затем свернул к вокзалу.

Туман постепенно рассеивался, и он увидел, что часть вокзальных сооружений зияла пустыми окнами и проломами от разорвавшихся снарядов. Справа по ходу движения, в окнах уцелевшего здания, горел яркий желтый свет.

Жихарев прошел внутрь вокзала, спросил у проходившего мимо железнодорожного служащего:

– Не подскажешь, товарищ, где тут у вас вокзальное начальство?

– А я и есть начальство.

– Начальник станции? – обрадовался Жихарев.

– Я – вокзальное начальство: дежурный по вокзалу. А тебе, должно, начальник станции нужен? Так это вон в ту дверь. Но только ты туда пока не ходи. Только расчистили станцию, все эшелоны отправили. Пущай немного поспит.

Жихарев направился к кабинету начальника станции. Потихоньку приоткрыл дверь, ожидая увидеть хозяина кабинета, спящего где-нибудь в углу, на диванчике. Но он сидел за столом.

Лишь когда Жихарев приблизился к начальнику станции, увидел, что тот спит, сидя за столом, подперев голову рукой. Жихарев бесшумно уселся на стул напротив, решив дать ему ещё немного поспать. Но начальник станции, не шевелясь и не открывая глаз, спросил:

– Что у вас?

Это было так неожиданно, что Жихарев даже вздрогнул и огляделся по сторонам: может, кто-то другой, стоявший сзади, задал вопрос? Но в кабинете, кроме них двоих, никого не было.

– Как вы знаете, на Каховском плацдарме началось наступление, – начал было Жихарев. – А с доставкой продовольствия...

– Агитировать не надо, – не открывая глаз, оборвал Жихарева начальник станции. – Говорите дело...

– Три груженных продовольствием и спальный вагоны загнали в тупик...

– Знаю. Четвертый тупик. Что вас не устраивает?

– Ценный груз. Сопровождает комиссар ВЧК Кольцов. К тому же с ним секретный пакет с пятью сургучными печатями.

Начальник станции открыл глаза, удивленно спросил:

– Зачем вы излагаете мне ваши секреты? Какой пакет? Какие печати? Я отвечаю за подвижной состав.

Жихарев наклонился к начальнику станции и заговорщицки произнес:

– Я к тому, что очень важный человек. Надо как можно быстрее отправить четыре вагона на Херсон. Хочу предостеречь: могут быть неприятности.

– У меня? Нет! Все неприятности, которые могут свалиться на голову одного начальника станции, я уже испытал. Иных природа еще не придумала, – спокойно сказал начальник станции. – Повторяю, я регулирую грузопотоки, ведаю подвижным составом. Харьков мне сообщил о четырех ваших вагонах. Отправлю, как только появится такая возможность. И не морочьте мне, пожалуйста, голову. Дайте хоть немного поспать.

– Что доложить товарищу комиссару? Когда отправите?

– Посоветуйте ему тоже немного поспать. И не нервничать. Вам тоже... не суетиться без толку. Все!

Начальник станции снова подпер голову рукой и закрыл глаза.

Жихарев еще немного подождал, в надежде, что он скажет что-нибудь обнадеживающее. Но начальник станции заснул, тоненько похрапывая. И Жихарев ушел к себе, на четвертый тупик.

В вагоне уже не спали. Кто-то из снабженцев успел выяснить, что они стоят на станции Синельниково. Печальное зрелище зияющих проломами вагонов и разбитых ржавых паровозов навевало на них тоску и отчаяние. Ждали Жихарева, предполагая, что он отправился на станцию, дабы прояснить обстановку.

Жихарев появился перед ними сияющий, торжественный. На вопросительные взгляды присутствующих ничего не ответил. Подошел к Кольцову, небрежно сказал:

– Не надо суетиться. Я все уладил. Скоро тронемся на Херсон.

* * *

За Апостолово тяжело груженный боеприпасами «литерный», к которому прицепили и четыре продовольственных вагонов, часто останавливался. На протяжении многих верст он двигался со скоростью пешехода. Совсем недавно здесь повсюду велись жестокие бои. Отступали белые – взрывали пути; красные ремонтировали. Отступали красные, и всё повторялось. И те и другие ремонтировали дорогу наспех, и поэтому скорость на ней была предельно ограничена.

Эшелон медленно двигался по ровной, как стол, таврической степи. Жихаревская команда и сотрудники Особого отдела прилипли к окнам. Здесь все напоминало о недавних боях. Врангель несколько раз пытался закрепиться на Правобережье Днепра с тем, чтобы затем привлечь к себе войско Симона Петлюры, а в дальнейшем соединиться с польской армией Пилсудского. Но ничего не получилось. И, как свидетельство этих жестоких боев, мимо окон вагонов проплывали сожженные полустанки и наспех отремонтированные будки путевых обходчиков.

В селах люди, подобно муравьям, копошились возле своих покалеченных войной хат, ставили подпорки, крыши крыли неведом чем – соломой, камышом. Делали все для того, чтобы как-то пережить пришедшую и сюда, на юг, злую зиму.

– Затягивай пояса, мужики! – вздохнул кто-то из жихаревских. – Сколь годков понадобится, чтоб поднять Россию с колен.

– Поднимется! Эта земля кого только не повидала, и скифов, и половцев, и татар, и турок, и другой всякой нечисти. И каждый раз выживала, поднималась, – отозвался жихаревский снабженец со злыми глазами.

* * *

Ещё засветло они прибыли в Снегиревку, небольшое степное село, волею судеб ставшее на короткое время многолюдным и шумным перекрестком Гражданской войны.

Последние недели над Снегиревкой шли бесконечные дожди, словно отдавая долг высушенной летним зноем земле. Ночами стало подмораживать, прихватывая вязкую черноземную грязь непрочной коркой.

Утопая по щиколотки в грязи, Жихарев метнулся по улицам, где почти в каждом дворе находились на постое военные. В основном это были тыловые службы, которые встречали и

затем направляли грузы и прибывающее пополнение по своим адресам, точнее, по своим дивизиям. Вскоре Жихарев отыскивал ожидавших его каптенармусов⁴.

Кольцова и его команду никто не ждал. А может, и ждали, да поди отыщи в этом людском муравейнике нужных тебе людей. Сговорились с двумя местными мужиками, владельцами телег, в каждой из которых без особой тесноты могли поместиться до десяти человек.

Когда зашел разговор о плате, возчики наотрез отказались от денег. У Гольдмана в запасе были и царские, и петлюровские, и керенские, а вот своих, советских, пока ещё не напечатали. Мужики попросили в счет оплаты дать им что-нибудь из одежды или обуви. Но ничего лишнего ни у кого их пятнадцати osobистов не нашлось.

На их счастье, к ним подошел попрощаться Жихарев. Узнав о затруднении, отвел возчиков в сторону и долго с ними о чем-то договаривался. После чего они, в сопровождении одного из жихаревских снабженцев, куда-то ушли и вскоре, довольные, вернулись, неся с собой увесистые «сидоры».

Уладив дело с возчиками, Жихарев с некоторой торжественностью в голосе сказал:

– Хочу поблагодарить за компанию. Если что было не так – не обессудьте. Как говорится: повинную голову меч не сечет. Даст Бог когда свидеться – будем рады.

– Дороги у нас одни и те же, – сказал Кольцов. – Может, ещё когда и сведут.

Знал бы тогда Кольцов, какими пророческими окажутся эти его слова.

Гольдман тоже произнес несколько слов, поблагодарив за совместную поездку, за хлеб-соль, которыми щедро с ними поделились снабженцы. И конечно же за то, что помогли уладить дело с возчиками.

Кольцов, Гольдман и Бушкин с несколькими osobистами разместились в первой телеге, остальные – во второй. Тронулись...

Жихаревские снабженцы долго месили грязь, вышагивая следом за первой телегой, провожая, как можно было понять, Бушкина. Напоследок они ему одному на ходу крепко пожали руки. И еще долго потом стояли на пригорке, провожая взглядами исчезающие вдаль телеги.

Когда Снегиревка скрылась вдаль, Кольцов спросил у Бушкина:

– Тимофей, вы и прежде были знакомы с этими снабженцами?

– Откуда? В поезде спознались.

– На почве сала, – пошутил Гольдман.

Бушкин укоризненно глянул на Гольдмана, но промолчал.

– Странно, за что они вас так быстро полюбили? – спросил Кольцов.

– Обыкновенное дело. Завербовал, – на чистом глазу пояснил Бушкин.

– Куда?

– До себя в отряд.

– Что за отряд? Расскажите. Или это тайна? – допытывался Кольцов.

– Ничего такого, – пожал плечами Бушкин. – Договорились, сразу же после войны встретиться – и на Париж.

– К-куда? – удивился Кольцов.

– На Париж, говорю. А чего! Поможем французам советскую власть обустроить.

Сидевшие в телеге osobисты прятали лица в воротники, давясь от смеха.

– Может, нам бы сперва у себя разобраться?

– А чего тут осталось? – не согласился Бушкин. – Ну, неделя, ну, две... А дальше, пока то да се, пока будут законы сочинять и все такое, мы французскому пролетариату чуток под-

⁴ Каптенармус – унтер-офицерское воинское звание, военный чин и должность в роте (батарея, эскадроне) русской армии ниже XIV класса в Табеле о рангах, ведающего учетом и хранением имущества и выдачей провианта, а также оружием, снаряжением и одеждой (в России – с конца XVII в. по 1917 год, в советский период – с 1918 года до конца 1950-х гг.)

могнѣм. Они ж на нас надеются. Военный опыт у нас имеется. И вообще... пока еще запал есть и от войны не остыли.

Кто-то из особистов не выдержал, расхохотался. Остальные тоже засмеялись.

– «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» – процитировал Бушкин слова городничего из «Ревизора», и затем назидательно добавил: – Вы вот так же легкомысленно, шуточками пропустите приход всемирной революции!

Смеялись уже в голос, не сдерживаясь, громко.

Глава вторая

Лошади привычно брели по разъезженной дороге, сами выбирая себе путь полегче: объезжали расхлябанные бочаги, а то и вовсе переходили на протянувшуюся вдоль дороги слегка подсохшую за день грядку. Они ездили здесь каждый день, запомнили каждый бугорок и приямок, глубокую лужу и канаву. Возчик лошадей не управлял, он намотал вожжи на выступающий из боковины телеги кол и, глядя на своих пассажиров, вслушивался в их разговоры, пытаясь понять и извлечь из них что-то для себя полезное. Но пассажиры говорили большей частью о непонятном.

Вечерело. Низкое солнце сгоняло последние облака. Днепр еще не был виден, но там вдали, где он протекал, небо очистилось и светилось поздним осенним багрянцем.

– Красота-то какая! – зачарованно сказал Гольдман.

– Это кому как, – вдруг отозвался своим хриплым прокуренным голосом возчик. – Кому красота, а кому беда.

– Красота, она и есть красота. Она для всех одинаковая, – не согласился Гольдман.

– Ночью заморозок будет, вона как небо разрумянилось. У меня беляки хату спалили, на подворье землянку спроворил. Сыро... В мороз не натопишь. Дети мерзнут, жинка кашляет. Вот и судите, радуется меня така красота чи нет.

В Берислав они въезжали уже в полной темноте. Ночь наступила как-то сразу. Вдруг на небе высыпали яркие звезды, заискрившись в вышине.

– А звезды-то! Звезды! – вновь восторгался Гольдман, – Я таких больше нигде не видел. С кулак величиной...

Все одновременно посмотрели на возчика.

Когда колеса телеги застучали по каменной мостовой, возчик взял в руки вожжи, спросил:

– Вам на Пойдуновку, чи на Забалку?

– Езжай в самый центр, там разберемся.

По разбитой брусчатке они спустились вниз, почти к самому берегу Днепра. В глухой темени его не было видно, но ощущалось его чистое дыхание, к которому примешивался легкий запах разогретой смолы.

Днепр круглый год кормил местных жителей рыбой. Она была здесь не только продуктом питания, но и ходовым торговым товаром, таким же ценным, как зерно, соль и вино. Поэтому бериславские мужики всю заботу о земле в большей части возложили на своих жен, родителей и даже детей, а сами всю глухую пору года – позднюю осень, зиму и раннюю весну – проводили на воде. Днепр и Волга в дни военного лихолетья кормили рыбой, пусть и не досыта, всю Россию. Главным образом, воблой и таранью. Они даже входили в пайковое довольствие воинских подразделений.

Бериславские рыбаки всегда держали свой промысловый флот: лодки, каюки, шаланды, дубки в постоянной исправности, то есть проконопаченными и просмоленными. На берегу горели костры, и над ними висели ведра или казаны с расплавленной смолой. И дым от этой «кухни» постоянно витал над Бериславом.

Гольдман следил за движением телеги, время от времени поглядывал назад. Следом за ними, как приклеенная, тащилась вторая.

– Где-то здесь двухэтажный дом под железной крышей. Его бы найти, – подсказал возчику Гольдман.

– Дом Зыбина, что ли? Так он во-о-она, через дорогу, – протянул возчик.

– Глазастый ты, однако! – восхитился Гольдман. – В такой-то темени...

– Не я глазастый. Кони. Они каждый день на этом месте останавливаются. Сюда много разного народу прибывает.

Попрощавшись с возчиками, Кольцов со всеми своими спутниками гурьбой направились в дом Зыбина. Гольдман шел впереди.

Возле входа в дом неторопливо прохаживался пожилой часовой с винтовкой за плечом. Гольдмана он узнал еще издали и, улыбаясь, устремился навстречу.

– Что, Семёныч, темными окнами встречаете? – остановился возле часового Гольдман.

– А пошто карасин палить, если в дому – никого, – резонно заметил часовой.

– Где же все?

– Вячеслав Рудольфович по дивизиям разогнал. Как с Харькова приехали, так и разогнал. А меня за сторожа оставили.

– Ну, зачем же так уничижительно: за сторожа, – укорил его Гольдман. – Ты – караульный или часовой. Это уж как тебе больше нравится.

– Это когда в боевой обстановке. Или на складе при оружии, – не согласился Семенович.

– А Вячеслав Рудольфович где?

– Утром в Каховку отправился. Видать, там, в штабу фронта, и заночевал.

– И что, никого нет?

– Андрей Степанович Кириллов позавчера съездил. И скажи, какая комедия приключилась. Его не предупредили, что ихнюю группу-то распустили. Он идет к себе в кабинет, а там – Самохвалов из разведки. Спрашивает: «Вам кого?» Андрей Степанович не растерялся. «Мне бы, говорит, Кириллова». А Самохвалов ему: «Не знаю такого». Тогда Андрей Степанович и говорит: «Давайте знакомиться. Я и есть Кириллов», – и часовой зашелся от смеха.

– Ну, хоть кто-нибудь здесь остался? – вмешался в разговор Кольцов.

– А то как же – человек пять. И Кириллов здесь.

– Где он?

– А где ему быть? Тут, в штабу. И ещё Самохвалов и Приходько.

Но Кольцов уже не слушал часового. Он торопливо поднялся по ступенькам, вошел в сумеречный, освещенный одним копотным каганцом, коридор. Следом за ним вошли Гольдман, Бушкин и все остальные – переговариваясь, шаркали ногами.

– А ну, тихо! – попросил Кольцов.

Наступила тишина. Кольцов надеялся, что с какой-нибудь комнаты донесутся голоса здешних обитателей. Но нигде ни звука.

– Спят, что ли? – удивился Кольцов и изо всей силы прокричал: – Кириллов! Андрей Степанович!

Долго никто не отзывался. Потом в глубине коридора звякнула щеколда, проскрипела дверь, и вдали в черноте коридора повисла лампа. Она какое-то время повисела на одном и том же месте, а затем поплыла по коридору. По мере ее приближения стало проявляться лицо человека, несущего лампу. Кольцов узнал Кириллова и двинулся ему навстречу.

– Погоди малость, – попросил его Кириллов.

После чего он сделал шаг в сторону и там, скрываемая сумерками, под самой стеной, завиднелась какая-то тумбочка. Кириллов осторожно поставил на нее лампу и лишь после этого обернулся к Кольцову, неуклюже, по-медвежьи заключил его в объятия.

– Здравствуй, Павел Андреевич! Здравствуй, Паша! – от души тиская Кольцова, приговаривал он. – Не так давно виделись, а заскучал о тебе, как зимою о лете! И Вячеслав Рудольфович интересовался, всё расспрашивал меня про засаду. Кому-то даже велел связаться с Харьковом. Там сказали, что ты выехал.

– Он что, тоже меня ждет? – улыбнулся Кольцов.

– Похоже, ждет. Видать, какие-то виды на тебя имеет, – сказал Кириллов.

– Но ты-то знаешь?

– Нет... Лучше, пусть он сам тебе все расскажет.

Потом в коридоре появилось ещё несколько ламп, их вынесли разбуженные гономом, ночевавшие в штабе особысты. Стало шумно и весело. Сослуживцы узнавали друг друга, иные подолгу не виделись и с удовольствием выпрашивали друг у друга новости.

– Носков? Гриша?

– Ты, Дымченко? Чертяка рыжая!

– Моя копия.

– А Власенко с вами?

– Помер Власенко. В госпитале, в Катеринославе.

– Жалко Федора.

– Типун тебе на язык! То Василий помер, его однофамилец. Писарь из хозроты.

– Лучше б Федька. А Васька, он безобидный. А буквочки як выписывал! Як все равно в книжке.

И уже спорили, кому бы лучше помереть. И ругались. И весело смеялись.

Постепенно «местные» разобрали вновь прибывших по своим комнатам. Унесли лампы. В коридоре вновь наступили сумерки. В нем еще какое-то время оставались Кириллов и обступившие его Кольцов, Гольдман и Тимофей Бушкин.

Бушкин, человек не унывающий, разбитной и острый на язык, за время пути будто потерялся. Своими рассказами о Париже он потешал жихаревских, и оттого веселился сам. А войти в контакт с особыстами у него не получалось. Они не очень шли на разговоры с чужим для них человеком и строго блюли свою обособленность.

Бушкин несколько раз пытался завести с ними разговор о Париже и Парижской коммуне, но осторожные особысты принимали его рассказы за бахвальство и чистую выдумку, и в душевные разговоры не вступали. И он стал больше придерживаться Кольцова и Гольдмана, но и они, занятые своими заботами, уделяли Бушкину мало времени. Это его обижало, и он уже даже пожалел, что в свое время не послушал совета Кольцова, и не вернулся обратно на бронепоезд Троцкого.

Особысты и Бушкин покинули коридор, и следом за Кирилловым вошли в большую и почти пустую комнату.

– Мой кабинет, – пояснил Кириллов. – Вчера занял...

Кольцов удивленно оглядел помещение – обстановка была до крайности аскетической. Вместо письменного посреди комнаты стоял большой обеденный стол с телефоном и барское кресло, предназначавшееся хозяину, с другой стороны – два табурета для посетителей. В дальнем углу стояла железная кровать, застланная домотканым крестьянским рядном. И все!

– Интересно, кому он прежде принадлежал? – спросил Кольцов.

– Разве не помните? Здесь вас отчитывала Землячка после гибели Греця, – напомнил Кириллов. – Здесь заседала «тройка» во главе с Розалией Самойловной.

– Это когда она настаивала на вынесении мне смертного приговора? Очень обозлилась, что у нее тогда ничего не получилось. А кабинет не помню, – Кольцов еще раз внимательно огляделся вокруг, спросил у Кириллова: – Это ты за день так успел его опустошить?

– Нет. Все осталось, как было при ней. Она только собрала со стола свои бумаги и ушла. Десять секунд на сборы.

– Аскетическая женщина, – покачал головой Кольцов.

– Она – не женщина, – не согласился Гольдман. – Я ее давно знаю. Она из особой породы людей, выведенных революцией. У неё никогда не будет детей, потому что она не знает, зачем они нужны и откуда они берутся.

Затем Кириллов с Бушкиным сходили в каптерку и принесли оттуда все, что там нашли: брезентовые покрывала, конские попоны, лоскутные одеяла, два ватных матраса. Все это постелили в углу рядом с железной кроватью. Кириллов сказал:

– Здесь, на полу, ляжем мы втроем. А ты, Паша, – на кровати Розалии Самойловны. – И, немного помолчав, добавил: – Утром расскажешь, какие сны тебе на её кровати приснились.

– Нет уж! Я – на полу! – запротестовал Кольцов.

– Ты не спорь, Паша! – насупился Кириллов. – Ты ведь еще не знаешь, с кем споришь. Правобережная группа войск больше не существует. Но я не остался без работы. Со вчерашнего дня я – заместитель Менжинского и возглавляю контрразведку. И так получается, что ты на данный момент являешься прямым моим подчиненным, и возражать мне не имеешь никакого права.

– Ну а если по-человечески? – не унимался Кольцов.

– И по-человечески тоже. Будешь спать, где велел. Имей в виду, я жутко строгий начальник, – Кириллов сделал свирепое лицо. – Еще не раз пожалеешь, что попал под мое начало.

– Спасибо, что прояснил мое будущее, – улыбнулся Кольцов. – А теперь – серьезно! Вы ведь разговаривали с Менжинским обо мне. И, стало быть, ты что-то знаешь...

– Немного. Он спрашивал, что я знаю о твоём пребывании в плену у Нестора Махно. Я честно сказал, что почти ничего... Как-то не привелось с тобой об этом поговорить.

– Ты думаешь, это как-то связано с моей новой командировкой?

– Не знаю, Паша. Всего лишь предполагаю...

– Ну и поделись.

– Не могу. Это в конце концов не этично. Менжинский ничего не поручал мне. Он сам тебе всё расскажет. А может, и нет, если у него уже нашлась для этой командировки другая кандидатура.

– Жестокий ты человек, Андрей Степанович. Думал, выплусь от души. Да какой теперь сон? Всю ночь буду гадать, что за командировка? – укорил Кириллова Кольцов.

– А ты не особенно ломай голову, – посоветовал Кириллов. – Обычная поездка в войска. Не лучше и не хуже других наших поездок. Ну, может, с некоторой изюминкой...

– Ага! Значит, знаешь.

– Повторяю для тупых: предполагаю.

– Ну, ладно! Если «с изюминкой» – тогда успокоил. Будем спать!

* * *

Три плацдарма вдоль Днепра: Каховский, Великой Лепетихи-Рогачика и Никопольский – на карте выглядели небольшими продолговатыми пятнами. Но именно на них были обращены взгляды всех армейских командиров, своих и чужих, а также политиков, начиная от Ленина и Троцкого и заканчивая руководителями стран Антанты.

Несколько месяцев Врангель предпринимал отчаянные попытки ликвидировать их и прочно утвердиться как на левом, так и не правом берегах Днепра. Не получилось. И теперь именно здесь начинался последний акт Гражданской войны.

Вторая конная армия Филиппа Миронова⁵ и Первая конная Семёна Буденного⁶ в конце октября перешли в наступление. Их поддержали другие воинские соединения. Натиск был столь дерзкий и стремительный, что войска Врангеля, длительное время ожидавшие решительных действий красных, были ошеломлены. Началось отчаянное отступление.

⁵ Филипп Кузьмич Миронов (1872–1921) – казак, советский военачальник, командарм. Легендарная личность. Во время Гражданской войны 1918–1920 гг. командовал крупными войсковыми формированиями, включая Вторую конную армию. Убит часовым во дворе Бутырской тюрьмы. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда в 1960 году «за отсутствием состава преступления».

⁶ Семён Михайлович Будённый (13 апреля (25 апреля) 1883 года – 26 октября 1973 года) – советский военачальник, участник Гражданской войны, командующий Первой конной армией, один из первых Маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза.

Особенно трудными эти бои оказались для Первой конной армии Семена Будённого. Сутки назад она завершила тяжелейший рейд из Польши. Более шестисот верст конница пробивалась по территории, занятой войсками Симона Петлюры и различными бандитскими батками и атаманами. Вступала в схватки, шла без сна и отдыха, месила грязь. Торопилась. Голодали бойцы, голодали кони. На всем протяжении пути их поливали косые осенние дожди. А потом ударили морозы. Наконец, добрались до Берислава. Но уже ночью их переправили на левый берег Днепра, в Каховку. Не успели устроиться в каких-то полуразрушенных пустых амбарах, конюшнях, сараях, как на рассвете их подняли по тревоге.

Глядя на свое измученное, оборванное, посеревшее от недоеданий и морозов войско, стоя на тачанке Семен Будённый, сам еле ворочая языком от усталости, сказал:

– Браточки! Я был с вами все это каторжное время. Так же, как и вы, мерз, голодал, недосыпал и ходил под вражьи пули. Самое бы время – в баньку, а потом на сутки в клуню на духовитое сено. Эх! – он даже вздохнул, представив себе эту простую мечту: всласть отоспаться. И с разочарованием в голосе продолжил: – Но не получается. Нету у нас с вами на эти радости никакого времени! – взмахнув рукой с нагайкой, Будённый указал куда-то вдаль: – Может, сто, может, триста верст осталось до самого конца войны. Не проспять бы нам эти счастливые минуты! Не то другие завершат это братоубийство. Они, а не мы, будут торжествовать и радоваться победе. А мы окажемся сбоку припеку на этом празднике. Вот в задачке и спрашивается: как нам быть? Может, поспим еще часок-другой или через силу, через «не могу» выступим на барона за ради великой революционной цели!

Торжественная музыка митинговых слов! Лишь одна она, облеченная неведомой магией, способна сотворить нечто, неподвластное обычным словам. Она могла послать в бой тысячные массы. Но тут и она дала осечку.

Смертельно уставшие, изголодавшиеся, до костей промерзшие, бойцы слабо зашевелились. Хоть и ясные, убедительные слова сказал командарм, а всё же в усталой голове каждого звучали не согласовывающиеся с логикой слова: спать! Ну, хоть пару часов! Хоть полчаса! И Буденный едва ли не впервые ощутил свое бессилие. Это был тот редкий случай, когда он мог, переступив через себя, воспользоваться своим правом приказать. Но не приказал.

Они долго молчали. И тут издали, из задних рядов отозвался старый донской казак Харитон Ярыга, весь в шрамах, много войн прошедший, не однажды в боях рубленный и стрелянный.

Буденный давно заметил этого старого казака, иногда приглашал его к себе для душевной беседы, а заодно попить чаю, а то и чего покрепче. От чая Харитон отказывался всегда одной и той же фразой: «Ну да! Стану я в животе сырость разводить!» Водку от командарма принимал, но знал свою норму, и никогда не выпивал больше двух лафитников. И всегда, после того, как осушал лафитник⁷, переворачивал его донцем кверху, и пару капель, которые стекали на ладонь, старательно втирал в волосы головы.

Буденный несколько раз предлагал ему должность в соответствии с его почтенным возрастом: ездовым на тачанке, а то и охранником при штабе. Но Харитон ни на какие уговоры не поддавался.

– Ну да! Стану я в штабах восседать, а моя Маруся без меня с тоски помреть.

Маруся, старая бельмастая кобыла, была чем-то похожа на своего подслеповатого костлявого хозяина.

⁷ Лафитник – название, которое простой люд дал во второй половине XIX века округлым винным рюмкам в отличие от гранёных конусообразных водочных, делавшихся из толстого стекла, с тяжёлыми, устойчивыми ножками. Название дано по имени распространённого «барского» красного вина – лафита. Уже с конца XIX века и в начале XX века лафитником называли всякую рюмку (независимо от формы) из тонкого, дорогого по понятиям того времени стекла, а тем более рюмки, снабжённые украшениями. В XX веке лафитник – это уже всякая дорогая рюмка, в том числе и хрустальная.

Харитон взобрался на телегу, оглядел молчаливое буденовское войско и коротко спросил:

– Да чего там! Последний раз! Може, перетерпим?

Сказал бы то же самое молодой, не отозвались бы! А от слов старого, немощного Харитона всех прошибла совесть. Конники зашевелились, загомонили.

– Командуй, Михалыч!

– Чи не понимаем! Приказуй!

– Спасибо, братки! Не сумлевался! А приказывать не могу. На то у вас есть свой командир.

Из-за спины Буденного выступил грузный хохол в мохнатой шапке и в полушубке с белой оторочкой. На полушубке на груди поблескивал орден Красного Знамени. Это был начдив шестой дивизии Апанасенко⁸.

– Давай, Иосиф! Командуй! – велел Буденный.

– Есть, командир! – вскинул ладонь к шапке Апанасенко и прямо с тачанки пересел на привязанного к облучку коня. Тронул поводья. Конь со всадником стал послушно и неторопливо пробираться сквозь митинговую толпу. И только выбравшись на свободное пространство, Апанасенко поднял пашку и зычным басом скомандовал:

– Дивизия! Поэскадронно!

И пока всадники торопливо разбирались в ряды, шумели, отыскивая каждый свой эскадрон, Апанасенко разговаривал с обступившими его ездовыми:

– Ну, шо, хлопчики! Соберемся с силами! Туточки до Аскании и путя – всего ничего, верст семьдесят! Недалечко!

– Гы-гы-гы! – тяжелым смехом отозвались конники.

– Может, и доползем...

– Тю на вас! Ночувать на Сиваше будем! Покамест хоть издаля Крымом полюбуемся!

И когда все более-менее разобрались, Апанасенко вновь зычно скомандовал:

– Поэскадронно! За мной – марш, марш!

И дивизия вскоре скрылась за песчаным пригорком.

За двое суток Первая конная в отчаянном рывке заняла Асканию-Нову и двинулась к Чонгару и Перекопу.

* * *

Никаких снов Кольцов в эту ночь не видел, крепко спал.

Утром, едва за окнами заголубело, его пригласил к себе Менжинский. Он вернулся с Каховки глубокой ночью, ему доложили о возвращении оставшихся в Харькове сотрудников, а также о том, что вместе с другими приехал в Берислав и Кольцов.

Когда Кольцов, ещё не до конца стряхнув с себя сонную одурь, вошел в ярко освещенный двумя керосиновыми лампами кабинет Менжинского, тот, склонившись над расстеленной на столе оперативной картой, толстым столярным карандашом условными знаками отмечал подвижки на фронте.

Кольцов мельком глянул на карту, но тут же отвел взгляд в сторону, понимая, что его любопытство может не понравиться Менжинскому.

– Смотрите, смотрите! – перехватив взгляд Кольцова, сказал Вячеслав Рудольфович. – Вполне оптимистическая картина!

⁸ Апанасенко Иосиф Родионович (3 апреля (15 апреля) 1890 года – 5 августа 1943 года) – советский военачальник, генерал армии.

Распрямившись, он пристально оглядел Кольцова и, вероятно, остался доволен. Его обычно мрачное лицо слегка прояснилось.

– Здравствуйте, Павел Андреевич! – и как бы мимоходом спросил: – Как себя чувствуете после дороги?

– Спасибо. Как всегда, вполне удовлетворительно. Только не выспался.

– Завидую. Сон – первейшее благо молодости. А мне на сон достаточно четырех часов. И все, больше не усну. Старость!

– Ладно вам! Какой вы старик? – больше из вежливости возразил Кольцов. Всех, кому перевалило за сорок, он тоже считал стариками.

– Одышка, кашель, всяческие недомогания, – словно не слыша Кольцова, пожаловался Вячеслав Рудольфович. – А нам сейчас никак нельзя болеть, нельзя расслабляться. Как говорят в театре, дело-то, и в самом деле, идет к вешалке.

Помощник неслышно внес в кабинет Менжинского поднос с чаем и сухариками, поставил его посередине рабочего стола. Менжинский кивком головы поблагодарил помощника и отпустил.

Не отходя от стола с картой, Менжинский сменил тональность и заговорил деловито и серьезно:

– Вы, конечно, понимаете, что мы очищаем от врангелевских войск Северную Таврию, и со дня на день на Крымском перешейке развернутся нешуточные бои. Сиваш – серьезная преграда, особенно сейчас, в холода да морозы. И нужно сделать все для того, чтобы не увязнуть у ворот Крыма. У Михаила Васильевича был замечательный план: пройти в Крым, в самые глубокие врангелевские тылы, по Арабатской стрелке.

Карандаш Менжинского плавно пролетел над узкой полоской суши, которая начиналась от Геническа и, огибая с северо-востока едва не половину Крыма, заканчивалась возле Ак-Маная, неподалеку от Феодосии.

Пригласив Кольцова, Менжинский прошел к своему рабочему столу.

– Прошу вас, – он взял стакан чая, с хрустом пожевал сухарик. И лишь после того, как Кольцов тоже угостился чаем, Менжинский продолжил: – Впервые, еще в семнадцатом столетии, таким образом российский генерал-фельдмаршал Ласси⁹ обманул крымского хана. Он неожиданно провел свои войска по Арабатской стрелке и оказался у хана в глубоких тылах. По сути, он в трое суток овладел Крымом. К сожалению, мы не можем повторить этот маневр сейчас. Подводит погода. Азовская военная флотилия, на которую рассчитывал Фрунзе¹⁰, не сможет поддержать наши войска. Азовское море по берегам уже затянулось льдом.

– Да, зима неожиданно ранняя, – согласился Кольцов. – Я ведь крымчак. В иные годы мы, мальчишки, в эту пору ещё купались в море.

– Прогнозы на ближайшее время неутешительные, – сказал Менжинский и грустно добавил: – Крым придется брать в лоб. Бои будут последние и поистине решительные. Сосредоточим все силы вдоль Крымского перешейка, от Перекопа и до Чонгара. Привлечем в союзники всех, кого только сможем. Помнится, вы вывели на меня двух махновцев.

– Да, помню. С Петром Колодубом я и прежде имел дела. Последний раз он явился парламентаром от Нестора Махно. Кажется, с предложением о переговорах.

– Всё верно. Предыстория следующая. Махно был ранен в ногу – тяжелое ранение, пуля раздробила ему ступню. И Колодуб от имени Махно просил о помощи: тот нуждался в серьезном хирургическом вмешательстве. Он находился на станции Изюм. Мы послали туда вра-

⁹ Пётр Петрович Ласси (30 октября 1678 года – 19 апреля 1751 года) – генерал-фельдмаршал российской армии (1736). Ирландец родом, с 1700 года на русской службе. В турецкой войне 1736–1737 гг. начальник отдельного корпуса.

¹⁰ Михаил Васильевич Фрунзе (21 января (2 февраля) 1885 года, город Пишпек (ныне Бишкек) Семиреченской области Туркестанского края – 31 октября 1925 года, Москва) – революционер, советский государственный и военный деятель, один из наиболее успешных военачальников Красной армии во время Гражданской войны, военный теоретик.

чебную бригаду с отличным хирургом. По моим сведениям, ступню Нестору Махно спасли, буквально собрали ее по косточкам. Там, в Изюме, Махно попросил организовать встречу с представителями Красной армии для переговоров. Встретились в Старобельске. Туда же, все еще испытывая сильные боли, приехал Махно. На удивление легко с ним обо всем договорились.

– Ну и что хотел Махно? – спросил Кольцов.

Едва только Менжинский начал подробно рассказывать о Махно, Кольцов стал догадываться о сути новой «командировки» с «изюминкой», как определил ее Кириллов. Похоже, только пахло не изюминкой, а солидной горстью изюма.

Как все странно происходит в жизни! Стоило ему однажды случайно попасть в плен к Махно и также случайно уцелеть, как он уже стал считаться «специалистом по Махно». Судя по всему, ему предстояла новая встреча с Нестором Ивановичем.

Кольцов не стал прикидываться, что не догадывается, к чему ведет свою речь Менжинский, и спросил прямо, без дипломатии:

– Я так понимаю, вы ведь не зря посвящаете меня во все эти тонкости?

– Да, конечно, – нисколько не смутившись, сказал Менжинский. – Да вы пейте чай, он совсем остыл.

Кольцов, отхлебывая чай, продолжил слушать. Но теперь он пытался проникнуть не столько в текст, сколько в подтекст каждой фразы. Еще до конца разговора он пытался вникнуть в суть его будущего задания.

– Что хотел Махно? – повторил вопрос Кольцова Менжинский. – Вы-то, вероятно, знаете, в не столь давние времена он просил автономию для Гуляйпольщины.

– Была у него такая мечта, – согласился Кольцов. – Потом ему этого показалось мало, и он стал мечтать о владении Екатеринославской губернией.

– Владимир Ильич рассказывал Фрунзе, что Махно просил у него Крым. Обещал превратить его в образец процветания и свободы, – улыбнулся Менжинский. – Говорил, что создаст там анархическую республику, привлекательную для всего человечества... Удивительная вещь, все пекутся о человечестве, а у себя во дворе не могут навести порядок.

– Так в чем суть переговоров в Старобельске? – спросил Кольцов.

– Заключили соглашение. Махно со своей Повстанческой армией переходит на сторону советской власти и участвует в освобождении Крыма.

– И что взамен?

– Просит освободить из тюрем его сподвижников-анархистов. Согласились.

– И, наверное, попросил Крым? – догадался Кольцов.

– Просил.

– Пообещали?

– Пообещали подумать.

– Соглашение – это слова. Намерения. А есть ли какие-нибудь реальные результаты? – поинтересовался Кольцов.

– Буквально на следующий день после переговоров штаб Повстанческой армии разослал своим отрядам вот это распоряжение.

Менжинский положил перед Кольцовым четвертушку бумаги, которую Кольцов бегло просмотрел:

«Распоряжение ШтаАрма отрядам Володина, Прочана, Савченко, Ищенко, Самко, Чалому, Яценко. С сего дня прекратить всякие вражеские действия против советской власти, а также против каких бы то ни было советских учреждений и их работников.

Все живые и здоровые силы вольного повстанчества должны влиться в ряды Красной армии, войдя в подчинение и под командование последней.

Совет Революционных Повстанцев твердо уверен, что вольное повстанчество не пойдет по двум разным дорогам, но сплоченно последует на зов испытанных революционных вождей батьки Махно и Совета Революционных Повстанцев Украины (махновцев).

Председатель Революционной Повстанческой
Армии Украины (махновцев) батька Махно.
Командарм С. Каретников».

– Ну и что скажете? – спросил Менжинский.

– Хорошая бумага, – возвращая Вячеславу Рудольфовичу махновское распоряжение, ответил Кольцов. – Я так понимаю намерение батьки: война кончается, к гадалке не ходи. И если махновцы примут участие в последних боях, Нестор Иванович надеется, что ему простятся все прежние прегрешения. А, глядишь, большевики что-то подкинут от щедрот своих.

– Они просили внести в соглашение вопрос о Крыме отдельной строкой.

– И что же?

– Не отказали, но и не пообещали. Но едва ли не сразу же, как знак доброй воли, выпустили из тюрем всех махновцев и их руководителей – идейных анархистов. В ответ на наши доброжелательные действия Махно телеграфно излагает нам условия, при которых его армия будет совместно с нами воевать против Врангеля. Почувствовал, что его армия нам сейчас не будет лишней.

И Менжинский положил перед Кольцовым ещё одну бумагу.

– Этот меморандум больше похож на шантаж, – угрюмо констатировал он.

Кольцов склонился над бумагой. В ней говорилось:

«Революционные повстанцы входят в соглашение с командованием Красной армии, советской властью для совместной борьбы против контрреволюционной своры, и ничуть не намерены отказываться от своих идей и мировоззрений к достижению намеченной цели, как то: проявление инициативы в строительстве народного хозяйства (вольных общин) с помощью вольных экономических союзов (советов), которые без вмешательства какой-либо политической партии должны разрешать назревшие вопросы среди крестьян и рабочих.

Мы ничуть не отказываемся вести борьбу против засилья бюрократизма и произвола комиссаро-державцев и всякого рода насилия, которое является бременем для трудового народа и язвой для хода и развития революции. Мы по-прежнему будем вести идейную борьбу против насилия государственной власти и нового порабощения трудового народа государством. Ибо для этой борьбы мы, революционные повстанцы, вышли из недр трудового народа, и обязанность наша защищать интересы трудящихся от всякого насилия и гнета, откуда бы оно не исходило».

– Вопиющая безграмотность! Но это ладно, как смогли, так и написали, – сказал Менжинский. – Но обратите внимание! Эту телеграмму подписал не только Махно, но и весь Военный совет Революционной повстанческой армии. Вот так!

Кольцов поднял глаза на Менжинского:

– Махно всегда был человеком амбициозным, – сказал он. – У него совсем недавно под ружьем было более четырех тысяч повстанцев. Сейчас несколько больше. Вероятно, он пытается сохранить свое лицо. С одной стороны, хочет получить от союза с нами какие-то дивиденды, с другой же стороны, боится растерять своих сторонников. В основном это крепкие мужики, зажиточные крестьяне. Махно боится, что кто-то из них может уйти домой, а кто-то переметнется к Врангелю.

– Возможно, вы правы, – согласился Менжинский. – Но зачем тогда ему, едва заключив с нами соглашение, делать не очень корректное и, я бы даже сказал, провокационное в наш адрес заявление? Что это? Самоуверенность?

И Менжинский положил перед Кольцовым еще одну бумагу, вырезку из махновской газеты «Путь к свободе».

– Просмотрите. Больше мучить вас чтением не буду. Сомневаюсь, что это было опубликовано без ведома Махно. А, возможно, он и является автором.

Текст заметки и в самом деле был не совсем дружественным по отношению к советской власти. И появилась она уже после заключения Старобельского соглашения.

– «Вокруг нашего перемирия с Красной армией создались какие-то недоразумения, неточности», – прочитал Кольцов и поднял глаза на Менжинского. – Что, действительно возникло какое-то недопонимание? – спросил он.

– Нет, конечно. Возможно, они там, в своем лагере, все перессорились... Но читайте дальше.

Кольцов снова углубился в чтение:

– «Говорят о том, что, мол, Махно раскаялся в своих прежних действиях, признав советскую власть. Какое содержание мы вкладываем в мирное соглашение?»

Ясное дело, что никакого идейного контакта и сотрудничества с советской властью или ее признания не могло и не может быть. Мы всегда были и будем идейными непримиримыми врагами партии коммунистов-большевиков. Мы никогда не признавали никакую власть, и в данном случае не можем признать и советскую власть.

Так что напоминаем и лишний раз подчеркиваем, что не следует спутывать, злостно или по непониманию, военный контакт, являющийся следствием грозящей революционной опасности, с каким-то переходом, «слиянием и признанием советской власти», что не могло быть и не будет».

– Что, Павел Андреевич? Эти высказывания – тоже для сохранения своего лица? Заблуждается. Махно как был, так и остается врагом советской власти. И, боюсь, он нас ещё подведет. Причем, в самый не подходящий для нас момент. Когда это будет ему выгодно.

Кольцов молчал. Он понимал правоту Менжинского. Во всяком случае, сейчас никто не мог бы сказать, как и когда закончится «медовый месяц» Нестора Махно с советской властью. А что он закончится битьем тарелок, в этом ни у Менжинского, ни у Кольцова сомнений не было.

– Я не зря показал вам эти документы. По крайней мере не будете пребывать в благостойной уверенности в нерушимости союза Нестора Махно с советской властью, – Менжинский поднялся со своего стула и, со стаканом уже остывшего чая в руке, вернулся к столу, на котором была расстелена оперативная карта.

Кольцов понял: сейчас Вячеслав Рудольфович наконец расскажет ему, зачем потратил так много времени на эту длинную прелюдию.

– Скажу откровенно, мы не верим Махно. Ни Фрунзе, ни я, никто из командармов, комкоров и комдивов, – медленно, как бы подчеркивая весомость каждого слова, сказал Менжинский. – Но сегодня нам лучше держать его в союзниках. Пройдите сюда!

Кольцов вернулся к столу с картой.

Менжинский продолжил, указывая на неё:

– Выполняя Старобельское соглашение, армия Махно после освобождения Мелитополя, где, кстати, устроила повальные грабежи, передислоцируется вот сюда, к Сивашу. Командование Южфронта выделило Крымской армии Махно сектор между Чонгаром и Перекопом. Штаб махновцев, по всей вероятности, будет вот здесь, во Владимировке. А теперь – о деле.

Менжинский отошел от стола и стал прохаживаться по кабинету. Затем, стоя посреди кабинета, наконец затронул суть дела, ради которого он и пригласил Кольцова к себе.

– Там, в этой самой Повстанческой армии Махно, нам нужен свой глаз. Мы, командование, должны знать все не только о действиях махновцев, но и их намерения, настроения. Если

судить по тому, что вы сейчас прочитали, там все не так однозначно. И поэтому мы должны сделать всё, чтобы обезопасить себя от всяких неожиданностей.

– Это понятно, – согласился Кольцов, заранее предполагая, что последует за этими словами.

– Вы, Павел Андреевич, у них там уже побывали, кого-то знаете, даже, кажется, знакомы с самим Нестором Махно?

– Радости мне это знакомство не доставило, – нахмурился Кольцов. Видимо, вспомнил берег речки Волчьей и то, как двое махновцев вели его на расстрел. Утро было красивое, радостное, и совсем не хотелось умирать.

– В связи с тяжелым ранением, он пока не может самостоятельно передвигаться, и поэтому вынужден оставаться в Гуляйполе. Исполнять обязанности Командарма Повстанческой армии он назначил Семена Каретникова.

– Знаю Каретникова. Грамотный командир, и человек довольно разумный, уравновешенный, – сказал Кольцов.

– Вот мы и подумали: вам среди махновцев будет куда легче ориентироваться, чем кому другому. Быстрее поймете, если будет что-то затеваться против нас.

Кольцов грустно улыбнулся:

– Нет, они быстрее меня убьют, чем я начну что-то понимать. – И тут же спросил: – И какой статус мне предлагается?

– С Махно и Каретниковым мы предварительно все обговорили. Вы отправляетесь туда как представитель командующего фронтом с весьма широкими полномочиями.

– Вот уж справедлива пословица «из огня да в полыню», – покачал головой Кольцов. – Я думал, ничего опаснее и труднее, чем операция «Засада» в моей жизни уже больше не будет.

– Сам Махно и его заместитель Задов¹¹ попросили направить к ним именно вас.

– Меня бы кто спросил: хочу ли я?

– Вот я и спрашиваю, – несколько стушевался Менжинский. – И Михаил Васильевич Фрунзе тоже высказался за то, чтобы обратиться к вам. Но если вы по каким-то причинам...

– Причин нет, – пожал плечами Кольцов и, немного помедлив, спросил: – Когда?

¹¹ Лев Николаевич Задов (Лёвка Задов, партийный псевдоним – Лев Зиньковский; 11 апреля 1893 года – 25 сентября 1938, Киев) – начальник контрразведки Революционной повстанческой армии Нестора Махно, позднее советский чекист.

Глава третья

Поезд главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта Врангеля стоял в Джанкое на запасных путях. Пейзаж за окном был безрадостный. Почти все станционные строения были разрушены или сожжены. Некоторые были второпях восстановлены, но выглядели инвалидами. Пробоины от снарядов залатали камышом и обмазали глиной, окна забились досками, оставив лишь небольшие щели, размером с уцелевшие или найденные среди развалин куски стекла. Делали все наспех, когда уже наступили заморозки: только бы пережить если не в тепле, то хотя бы в затишье холодную и ветреную зиму.

Под стать печальному пейзажу была и погода. К утру мороз отступил, небо заволокло тучами, и пошел унылый морозящий дождик.

Врангель проснулся рано от мокрых всхлипываний за окном вагона. Разминаясь, прошелся по коридору. Чутко спавший денщик, услышав вдали шаги командующего, скрылся в дальнем тамбуре и принялся разжигать керосинку.

Врангель недолго постоял возле купе старшего адъютанта. Будить? Он знал давнюю слабость Михаила Уварова: засыпать сразу, едва голова соприкасалась с подушкой. Если не будить, мог проспать сутки. У аккуратного, исполнительного и четкого адъютанта это был, пожалуй, единственный серьезный недостаток, который раздражал командующего и с которым он тем не менее давно смирился. Он твердо знал, что очень скоро на место сладких снов и молодости к адъютанту придет зрелость, а вместе с нею и тяжелая изнуряющая бессонница. Пусть еще поспит, пока на его плечи не свалились заботы, подобные тем, которые приходится тащить на себе командующему.

Врангель вернулся в кабинет. Торопливо накинув черкеску, подпоясался и мельком глянул на себя в зеркало. Но тут же отвернулся: не понравился сам себе. Под глазами мешки, и без того длинный нос заострился, лицо одутловатое и какое-то жеваное. Всему виной бессонница, которая мучает и изводит его вот уже который месяц.

Вот и вчера вечером к нему с коротким докладом явился генерал Фостиков¹². Врангеля угнетало вечернее одиночество, и он затеял со своим подчиненным разговор, затянувшийся едва ли не до трех часов утра. И после его ухода Врангель еще долго не мог уснуть, осмысливая полуночный разговор. На сон осталось всего ничего. В шесть часов он вставал, несмотря ни на что. Не нужен был никакой будильник.

Врангель давно знал Фостикова, ценил в нем умного и бесстрашного (получившего десять ранений) воина, и прощал ему некоторую экстравагантность в одежде и порой неуместные и злые суждения. Он относился к Фостикову, как прежде цари относились к своим юридивым. Ему порой позволялось высказывать то, что иным стоило бы должности.

Фостиков стал увещевать Врангеля попытаться найти способ замириться с большевиками. Аргументы Фостикова были вполне убедительными: в Крыму отсидеться не удастся и дело даже не в холодах. Стужу можно перетерпеть. Но в Крыму собралось несметное число людей, и прокормить их им не по силам. Начнется голод, грабежи. Боеспособность армии опустится до нуля.

– Крым – крепость, Михаил Архипович! А зимы здесь, на юге, короткие. Авось с Божьей помощью...

– Слово красивое: крепость. А если вспомнить? Испокон веку редко какая крепость выдерживала осаду. И наша не устоит, – уверенно сказал Фостиков и, немного помолчав, доба-

¹² Михаил Архипович Фостиков (25 августа 1886 года, ст. Баталпашинская – 29 июля 1966 года, Белград) – русский военачальник, участник Гражданской войны, генерал-лейтенант. Организовал Повстанческую армию из нескольких тысяч казаков, бежавших от красного террора. Награжден бароном Врангелем орденом Св. Николая.

вил: – Люди от нас уходят. За последнюю неделю из моего черноморско-кубанского отряда ушли больше двухсот человек.

– Причины? – поинтересовался Врангель.

– Причины разные. Кто устал от войны, уж очень длинной она получилась. Кто зимы испугался, кто болен. Но больше всего тех, кто в нас разочаровался. Мои кубанцы так мне и говорят: «Ты, Михайла, поближе до Врангеля, шепни ему, пушай мужика не обижает. Мужик – кормилец. Если он обидится, власть не устоит». Похоже, обиделся мужик.

– Вопрос не простой, – виновато сказал Врангель. – Теперь понимаю, земельный вопрос надо было решительнее решать.

– Поздно, ваше превосходительство, – тяжело вздохнул Фостиков. – Потому, что нет у нас уже земли, нечего раздавать. И, видать, никогда не будет.

– Ты тоже не веришь? – Врангель вперился тяжёлым взглядом в Фостикова. Впрочем, он знал, что Фостикова ни суровым взглядом, ни бранью не испугаешь. Когда-то, в девятнадцатом году, он едва ли не в одиночку поднял на дыбы против Советов чуть ли не всю Кубань. И слова, которые он сейчас произносил, чувствовалось, выстраданные, тяжелые.

– Эх, Петр Николаевич! Уж сколько лет вместе с тобой. Верил. И сейчас хочу верить. Из всей силы хочу. А почему-то не очень получается... – И, вспомнив что-то важное, Фостиков добавил: – И что интересно: уходят не тайком, не ночью.

– Кто? – не сразу понял Врангель.

– Дезертиры... Как их еще называть? Сговорятся человек десять – пятнадцать односельчан, попрошайтятся с остальными, которые остаются – и уходят. Днем, без страха. И заметь, никто им в спину не стреляет, предателями не обзывают. Видать, многие о том же самом думают, только еще не решились. Кто большевиков боится, кто зимы, кого кровавые грехи к ним не пускают.

– Вредные слова говоришь, Мишка! Не достойные российского генерала. Если бы хорошо не знал тебя, приказал бы расстрелять.

– Правдивые слова говорю, выстраданные. Врать не умею, лстить тоже. И ты это знаешь, – спокойным голосом ответил Фостиков. – Есть и преданные нам люди. К сожалению, их все меньше. Они будут с нами до конца. Но мы с тобой, Петр Николаевич, должны предвидеть любой конец. И сделать все, чтобы он не был слишком печальным ни для них, ни для нас. Во время бессонницы я все чаще об этом размышляю.

Врангелю не нравилось все, что говорил Фостиков. Но и не выслушать его размышления он не мог. Фостиков – один из тех немногих, кому он всецело доверял, а разочарование, увы, поселилось не только в его душе. Врангель и сам стал все чаще подумывать о том, что приближается печальный конец. Все события последнего времени были против его армии. Замирение Польши с большевиками, отказ Симона Петлюры от сотрудничества с ним, признание французами и англичанами «де-факто» Советской России и в связи с этим уменьшение союзниками военных поставок. Наконец, последнее поражение на Каховском плацдарме и почти полное вытеснение его армии с Правобережья Днепра, а потом и из Северной Таврии.

После ухода Фостикова Врангель еще долго ворочался на своей жесткой постели, продолжая мысленно с ним спорить. Неправда, в Крыму можно до весны отсидеться, а с наступлением тепла, укрепив за зиму армию, снова выступить против большевиков. В разоренной России за время длительной зимы большевики порядком себя дискредитируют. Весна всегда приносит надежду на лучшее. Многие его сторонники вновь потянутся к нему. Верил он и в то, что союзники не оставят его в беде. И вовсе не из сочувствия. Они просто не смогут отказаться от тех финансовых долгов, гарантом которых он является. Большевики не вернут же им ни копейки.

Но как пережить эту блокадную зиму? На просьбы о помощи продовольствием ни Англия, ни Франция пока не ответили. А если откажут? В Крыму вместе с семьями, которые

приехали сюда с отступающей армией, скопилось около шестисот тысяч его сторонников. Они надеются только на него. Да коренное население! Все вместе это составляет примерно около миллиона. Прав Фостиков: без посторонней помощи такое количество людей ему не прокормить. Значит, уже к середине зимы начнется голод, а следом – грабежи, убийства. Как итог: его предадут даже самые верные соратники.

Не раз и не два ему приходили мысли о бегстве из Крыма. Большей частью они были спонтанные. Но сейчас, после разговора с Фостиковым, он стал все больше склоняться к этому.

Наивный Фостиков! Под каким предлогом он, Врангель, станет просить у большевиков перемирие? Ответ он знает заранее: безоговорочная капитуляция.

Избежать позора можно лишь в одном случае: покинуть место с армией Крым. Во всяком случае, к этому надо быть готовым. Распоряжения о подготовке к эвакуации надо будет отдать в ближайшие дни. И не следует медлить. Лучше сделать это сегодня. Да-да, именно сегодня! Причем постараться, чтобы это распоряжение не стало достоянием гласности. Иначе решимость покинет даже тех, кто был готов сражаться до конца. Армия будет побеждена даже раньше, чем покинет крымские берега.

В тишине коридора гулко прозвучали уверенные шаги, прозвенели шпоры: это шел к нему на доклад начальник штаба Шатилов. Насколько помнил Врангель, он в последние годы служил всё больше в штабах и не имел никакого отношения к кавалерии. Был начальником штаба у Деникина, уволен из армии, в Константинополе переждал все армейские преобразования, и вновь, уже по приглашению Врангеля, вернулся начальником штаба. За годы их знакомства Врангель ни разу не видел Шатилова в седле. Но сколько он помнил, Шатилов не снимал с сапог шпоры, и они у него были самые звонкие, самые голосистые. По этому звону Врангель даже на улице издали узнавал: где-то рядом находится Шатилов.

Начальник штаба вошел без стука. У них с Врангелем был уговор: если занавески в кабинете командующего были раздвинуты, он бодрствует и можно входить без предупреждения.

– Доброе утро, Петр Николаевич! – бодро поздоровался Шатилов.

– А что, у вас есть сведения, что оно доброе? – с легкой иронией в голосе спросил командующий.

– Утро всегда приносит надежды. С позиций приехали генералы Кутепов и Абрамов¹³. Я даже не успел их ни о чем расспросить.

Внизу возле входа в салон-вагон он услышал голоса. Узнал характерный басок генерала Кутепова и хриплый сварливый баритон командующего Второй армией генерала Абрамова.

«Чтобы покинуть позиции в такую рань, надобны веские причины», – подумал Врангель.

– Что же они там топчутся? – спросил Врангель. – Были бы вести хорошие, они бы и среди ночи меня разбудили.

Шатилов открыл дверь в коридор, и в кабинет один за другим вошли Кутепов и Абрамов. По всему было видно, они тоже провели бессонную ночь. Одежда у обоих была измята, сапоги в грязи, и оба резко пахли древесным дымом.

Потянув носом воздух, Врангель спросил:

– Что это вы, на солдатскую махорку перешли?

– Кострами обогреваемся, ваше превосходительство. Ночь была клятая, морозная. В окопе огонь не разведешь, дымом задавит. В землянке и того хуже.

¹³ Александр Павлович Кутепов (16 сентября 1882 года, Череповец – не ранее 26 января 1930 года) – российский военный деятель, генерал от инфантерии (1920), активный участник Белого движения. В 1928–1930 гг. – председатель Русского общевоинского союза (РОВС). Фёдор Фёдорович Абрамов (4 января 1871 года – 10 марта 1963 года) – русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из руководителей Белого движения во время Гражданской войны в России. В феврале 1919 года, командуя группой войск, в сложнейших условиях отразил наступление Красной армии на Новочеркасск. С ноября 1919 года – инспектор кавалерии Донской армии. В апреле 1920 года сформировал из эвакуированных в Крым казачьих частей Донской корпус, командовал им во всех боях в Таврии летом – осенью 1920 года.

Врангель обрадовался появлению Кутепова. На его войска была возложена оборона всего Крымского перешейка – от Азовского моря и до Каркинитского залива на Черном. Больше суток Врангель не мог связаться с Кутеповым: то отсутствовала связь, то его не могли нигде отыскать. Что делается на позициях, Врангель знал по отрывочным докладам комдивов, с которыми удавалось связаться. Но целостная картина никак не складывалась, и Врангель надеялся, что ее сейчас прояснит Кутепов.

– Солдаты находят на местности впадины, там разводят костры, греются, – продолжил Кутепов. – Хотя...ночью начала донимать большевистская артиллерия.

– Вот как? – удивленно вскинулся Врангель.

– Стреляют издалека и не точно.

Прокопченные дымными солдатскими кострами, оба генерала бесспорно знали обстановку на позициях. Но по извечной привычке, если все было хорошо, они сразу же подробно и многословно докладывали. Если же успехов не наблюдалось, опасаясь начальственного гнева, сперва они долго жаловались на отвратительную погоду – лютые холода или невыносимую жару, на плохую одежду, несвоевременный подвоз боеприпасов, словом, на все, что могло несколько приглушить начальственное раздражение, и лишь потом переходили к изложению обстановки.

Врангель хорошо знал эту привычку своих подчиненных и понял, что ничего хорошего они ему не скажут. Поэтому сразу же прервал Кутепова и в упор спросил о главном:

– Что на позициях? И, пожалуйста, без всяких утешительных словес и оправданий. Точно и безжалостно.

Кутепов прошел к висевшей на стене карте, поискал взглядом на привычном месте указку, но ее там не оказалось. Тогда он извлек из одного из своих бесчисленных карманов «вечное перо» и, водя им над картой, коротко и печально – так читают некрологи – доложил:

– За истекшие сутки большевики ещё больше активизировались. Большевистская Вторая конная армия попыталась взять село Рождественское, но конница полковника Назарова отбила его и нанесла красным ощутимый фланговый удар. К сожалению, та же Вторая конная ночью попыталась взять Геническ и оседлать путь к Чонгарской переправе. И здесь тоже пока отбились.

Кутепов замолчал, ожидая, как отреагирует на это сообщение главнокомандующий. На лице Врангеля лишь заметнее проступили желваки, он коротко попросил:

– Продолжайте.

– Первая конная захватила Асканию-Нову, и сейчас ведет бои в районе Громовки.

«Громовка – это уже угроза правой стороне Крымского перешейка, Перекопу. Ещё день-два, и большевики полностью займут позиции вдоль всего перешейка. Не успевшим уйти из Северной Таврии в Крым войскам придется к переправам пробиваться с боями», – подумал Врангель. Но что-то не складывалось в его голове. Откуда вдруг здесь взялась большевистская Первая конная?

– По моим данным, Первая конная сейчас находится в районе Апостолово, – мрачно не согласился Врангель. – Двигается к Бериславу...

– К сожалению, ваши сведения на сутки устарели, – извиняющимся тоном сказал Кутепов. – Сегодня на рассвете Первая конная Буденного вышла на нашу оборону в районе Громовки. Её разъезды были замечены в районе Орлянска и Михайловки.

Кутепов замолчал. Он вдруг понял, что более безрадостного доклада командующий, вероятно, уже давно не слышал. Но держался спокойно, в гнев не впадал. «Должно быть, уже смирился с потерей Северной Таврии и все свои надежды возлагает теперь только на Крым», – подумал Кутепов.

– Что ещё?

– По вашей директиве Шестая армия и Донской корпус покинули Мелитополь и движутся сюда, к Чонгару. Прикрывают фланги Марковцы, – уныло продолжал Кутепов, но тут его вдруг осенило: – Я, собственно, хотел с вами посоветоваться, Петр Николаевич.

– Слушаю.

– По моим расчетам, сегодня Шестая армия и Донской корпус должны выйти в район Геническа. Не сочтете ли целесообразным, прежде чем они переправятся через Сиваш и займут оборону на крымской стороне, бросить их вдоль Крымского перешейка?

– Что это нам даст? – не сразу понял Врангель смысл предложения.

Кутепов вновь взмахнул над картой «вечным пером»:

– Я боюсь, что большевики задумали захлопнуть перед нашими отступающими войсками все дороги в Крым, а затем рассеять их по Северной Таврии, расчленив на мелкие группы и без труда уничтожить. Нам надо сколь возможно удерживать переправы и броды через Сиваш и сделать все для того, чтобы все наши войска с минимальными потерями ушли в Крым. Это вполне согласуется с вашей директивой.

– Ну, положим, это ваша интерпретация моей директивы, – грустно улыбнулся Врангель. – То, что сейчас предложили вы, это все само собою разумеющееся. Все наши войска должны собраться в Крыму, и мы всеми силами должны этому способствовать. В директиве же я лишь указал на необходимость укрепления Крымского перешейка. Крым должен стать нашим русским Верденом. И всё же...

Продолжать Врангель не стал. Слова были уже не нужны.

Готовя директиву, Врангель пересмотрел много справочников по Крыму. Один факт его особенно заинтересовал.

В середине девятнадцатого века известный французский географ Жан Реклю писал о том, что если Крымский перешеек надежно перекрыть, полуостров превратится в настоящую крепость. Ещё в тринадцатом столетии турки и татары называли его Крымом. И, как утверждал немецкий учёный-путешественник Иоганн Форстер, это слово происходит от монгольского керм, что означает – стена.

Стена-то стена! Но ведь и стены подвластны не только времени, но и разрушительным действиям человека. Поверив в неприступность Крыма, Врангель в своей директиве допустил, как несколько позже и сам убедился, непоправимую ошибку. Едва только распространили его директиву, в войсках вдруг исчез наступательный дух, они перешли к оборонительной тактике. Стремилась торопливо, избегая потерь, отступать. Прилагали все силы к тому, чтобы побыстрее, пока Красная армия ещё не блокировала все переправы, покинуть Северную Таврию, и спрятаться за крымской стеной.

Яростных, бешеных атак, чтобы искры из сабель, кровь за кровь, больше уже не было. Солдаты Врангеля уверовали в крымский Верден.

Врангель же начинал понимать: если падет Крымский перешеек, Крым устоит не долго. Оставалось надеяться только на чудо, но быть готовым ко всему.

* * *

В полдень Врангель решил проехать к Чонгару и своими глазами посмотреть, как укрепляются передовые позиции.

Дождь прекратился, ветер разгонял облака и, судя по всему, к ночи землю опять прихватит мороз.

Зима и здесь, на юге, наступила на редкость рано и внезапно, без всяких осенних предупреждений в виде легких заморозков и бабьего лета. В октябре вдруг ударили затяжные морозы, и, чего не помнят старожилы, даже берега солёного Сиваша стало затягивать коркой льда.

Чонгар, где ещё ранней осенью приступили к сооружению береговых укреплений, находился совсем недалеко от Джанкоя и был связан с ним железной дорогой. Но Шатилов стал категорически возражать против поездки туда поездом. На той стороне Сиваша, неподалеку от Сальково, уже то и дело завязывались стычки с красными. Пока ещё мелкие, кратковременные. Но иногда с той стороны долетали шальные пули, а то и снаряды.

Когда садились в старенький автомобиль «Остин», из салон-вагона выбежал Михаил Уваров с теплым стеганым бешметом в руках:

– Холодно, Петр Николаевич! – и он заботливо помог Врангелю поддеть под черкеску бешмет.

Врангель обратил внимание, что адъютант оделся тепло и приготовился его сопровождать.

– Нет-нет, Михаил Андреевич, вам с нами не надо, – сказал он. – Оставайтесь здесь и свяжитесь с генералом Бруссо. Я завтра буду в Севастополе и хотел бы с ним встретиться.

– Только с ним? Или пригласить также адмирала Дюмениля?¹⁴

– Хорошо, пригласите обоих.

Усаживаясь в автомобиль, Врангель одобрительно улыбнулся своему адъютанту. «У этого юноши недюжинные аналитические способности, – подумал он. – Уваров уже знает то, о чем я ещё ни разу ни с кем не говорил, кроме, разве что, с руководителем с французской военной миссии генералом Бруссо. И то – так, вскользь. Но, вероятно, мысль об эвакуации армии из Крыма уже начинает витать в воздухе».

Уваров и в самом деле догадывался, что речь с Бруссо может пойти о возможной эвакуации войск из Крыма, и без адмирала Дюмениля, руководящего всем прибывающим в крымские порты флотом, невозможно будет решить никакие практические вопросы.

Вместе с Врангелем в поездку отправились Кутепов и Шатилов.

Дорога на Таганаш была сильно разбита и «остин», увязая в грязи, ехал медленно, как по пахоте. Вокруг расстилалась серая равнина, по которой брели навстречу такие же серые, измученные люди.

Увидев несколько крытых повозок с красными крестами, Врангель попросил остановиться.

С передней повозки тяжело спустился пожилой медбрат или фельдшер в полушубке, поверх которого был надет испачканный засохшей кровью халат. Увидев перед собой трех генералов, лекарь как-то неуклюже, совсем не по-уставному вытянулся «во фронт», одной рукой придерживая за уздцы лошадей, чтобы они ненароком не тронулись.

– Откуда? – спросил Кутепов.

– Из-под Сальково. Вчерась с вечера выехали, – доложил лекарь и тут же торопливо добавил: – Уже почти полсуток в дороге. Бинтов нет, лекарств нет... И пропитания тоже. Двое представились...

– Что в Сальково?

– Народу, как на крестном ходе. В Крым пробиваются. Нас, спасибо, через мост пустили без очереди, – лекарь обвел воспаленными глазами генералов и хрипло повторил: – Поистине, крестный ход.

Надежда получить от генералов хоть какую-то помощь или услышать дельный начальный совет у лекаря быстро улетучилась, и он снова неуклюже забрался в свою повозку. Дождался, когда отъехал «остин» и тоже велел возчику трогать. Под копытами зачавкала грязь.

– Что там, браток? Начальствие, нет? – поинтересовался возчик.

– Генералы...

¹⁴ Контр-адмирал Дюмениль, командующий французской эскадры в Чёрном море. Осуществлял командование с крейсера «Вальдек-Руссо», который использовался для поддержки русских белых войск и флота (1919–1920).

– И что они?

– Хорошие новости... Скоро Джанкой. Там, в госпитале, натоплено и чистые простыни, – и, подумав немного, добавил: – Сестричек до каждого ранетого приставляют.

Санитарные повозки, покачиваясь на ухабах, медленно тащились по грязи. Лекарь задремал...

«Остин» двигался к передовым позициям. Водителю приходилось часто клаксонить и протискиваться сквозь густой людской поток, состоявший из бегущих от линии фронта беженцев. В основном это были пешие, с тачками, груженными узлами и чемоданами, из-за которых выглядывали любопытные детские глаза. Эти ехали «в никуда» с надеждой где-нибудь приютиться. Южно-украинские пожилые помещики возвращались на загруженных доверху арбах и телегах в свои непригодные для зимнего проживания крымские дачи. Промелькнул мимо автомобиля даже фаэтон, гордость какого-то музея.

Возле самого Таганаша «остин» остановился. Дорога здесь раздваивалась. Кто-то из беженцев сворачивал вправо, в надежде затеряться в маленьких крымских селениях, но большинство держало путь прямо, на Джанкой. Здесь можно было уцепиться за какой-нибудь поезд и уехать на нём подальше от этого кошмара.

Генералы высмотрели в толпе испачканных грязью солдат, всё ещё бодрых, весёлых, вероятно, новобранцев, недавних гимназистов. Винтовки они несли на плечах, закинув на них руки.

Присмотревшись к автомобилю, они сняли винтовки с плеч, приняли подобающий солдатам вид.

– Чьи будете? – как-то по-доброму, по-отечески спросил их Кутепов. И этот тон среди ругани и криков обезоружил вчерашних гимназистов. Они на минуту забыли, что являются солдатами, и один из них, видимо, старший по возрасту или же просто душа компании, стал многословно отвечать.

– Я – Сахновский, этот вот – Баранов, тот рыжий – Шагандин. Мы из Мелитополя, из одной гимназии...

– Постой! – остановил гимназиста Кутепов. – Я спросил: чьи вы? То есть из какой воинской части? Кто командир? Куда направляетесь?

– Так нам ничего не сказали, – вступил в разговор ещё один из новобранцев. – Велели прийти всем в гимназию. Там обмундировали, выдали винтовки и велели самостоятельно добираться до Генического. Добрались. Никто ничего не знает. Один дяденька посоветовал двигаться к Сальково. Пришли... И опять оказались никому не нужны. Теперь идем в Джанкой, сказали, там нас определят.

– Кто сказал?

– Фамилию не назвал.

– Да чего там, – возразил Сахновский. – Вроде генерал Консервов. Что-то в этом роде.

– Может, генерал Канцеров?

– Похоже, – отозвались несколько гимназистов.

– Так вот! – Кутепов обвел их строгим взглядом. – Я, генерал Кутепов, отменяю приказ генерала Канцерова. Следуйте обратно в Чонгар, найдете там кого-нибудь из командиров Третьего Донского корпуса, скажете, что генерал Кутепов велел зачислить вас в корпус. Поняли?

– Чего ж тут непонятного? – ответил за всех Сахновский.

Кутепов нахмурился:

– Скажете там, я велел обучить вас воинским порядкам и дисциплине.

– Скажем, – не очень дружно ответили новобранцы.

– И окапывайтесь там получше. Готовьтесь к обороне.

– Понятно, чего там... Нам показывали, как окопы рыть. Ничего хитрого.

– Правильно рассуждаете, – улыбнулся сидящий рядом с Кутеповым Врангель. – Армией командовать – тоже не велика хитрость. Надо только знать ответы на три коротких вопроса: когда, куда и зачем?

Они поняли, что это шутка, заулыбались.

– Хочу ещё вас спросить, – сказал Кутепов, и они обратили на него свои взгляды. – Вы ведь только из Мелитополя? Что там?

– А чего в Мелитополе! Всё, как было. Рестораны, магазины, синематограф. Ничего такого, – за всех ответил Сахновский.

– Ну а что в народе говорят: красные далеко?

– Откуда им там взяться! Говорят, где-то за Днепром. Не то в Александровске, не то в Екатеринославе.

– Спасибо, что разъяснили, – с легкой насмешкой поблагодарил их Кутепов. Он-то знал, что бои ведутся уже на подступах к Мелитополю. – Ну, ступайте!

Новобранцы развернулись и так же весело и бодро, как шли сюда, пошли обратно, к Чонгару.

Обгоняя их, Кутепов обернулся, сказал им:

– Что вы, как овцы бредете! – и отыскал взглядом самого активного среди них, – Назначаю командиром вот, как вас... Сахновский?

– Так точно.

– Постройте всех, и дружно! Можно, с песней!

На одном из многочисленных поворотов дороги Кутепов обернулся. Новобранцы уже выстроились по трое и, кажется, даже запели. А, может, ему только показалось, будто ветер донес до боли знакомое: «Соловей, соловей, пташечка!...»

Молчаливая толпа, двигавшаяся им навстречу, обтекала «остин», как вода камень. Люди с каким-то тупым равнодушием месили грязь.

Среди этого чавканья сотен ног Врангель вдруг услышал необычный посторонний звук, словно где-то там, далеко впереди, катили большую дубовую бочку, наполненную камнями, и они, перекатываясь, глухо отзывались на движение. И ещё это было похоже на поздний осенний гром...

– Наши! Десятидюймовки! – пояснил Кутепов. – Где-то за Сальково.

Оглашая дорогу клаксоном, они медленно пробирались сквозь встречную толпу. В Таганаше не остановились. Лишь когда вдали замаячили разрушенные дома Чонгара, Кутепов сказал Врангелю:

– Дальше, ваше превосходительство, на автомобиле, пожалуй, не стоит.

Они загнали «остин» в покинутый хозяевами, усеянный щебнем и обломками кирпича дворик, где от дома осталась только одна стена. Она загораживала автомобиль со стороны Сиваша.

Вероятно, Кутепов уже был кем-то заранее предупрежден (возможно, Шатиловым) о том, что командующий собирается проверить оборонительную линию, и был к этому готов. Едва они вышли из автомобиля, как перед ними появились несколько офицеров-казаков. Они коротко представились Врангелю и исчезли за той единственной стеной дома. Но тут же появились, ведя под уздцы трех уже оседланных вороных коней. Кони были справные, ухоженные, их, вероятно, взяли у кого-то из казаков взаймы.

Врангель обрадовался появлению коней.

– С лета не сидел в седле, – сказал он и ласково потрепал по холке подведенного к нему чистого, лоснящегося на холодном полуденном солнце коня. Как опытный наездник, он проверил стремяна, слегка опустив их, подогнав под свой рост и привычно, даже с некоторым кавалерийским шиком, взлетел в седло. Кругами прогарцевал по подворью, ожидая, когда и остальные его спутники усядутся на коней.

Первым с подворья выехал Кутепов, как бы подчеркивая, что принял на себя роль сопровождающего. Следом поскакали Врангель и Шатилов. Чуть отстав, их сопровождали четыре казачьих офицера с короткими кавалерийскими карабинами за плечами.

Миновав неуютный и какой-то серый, безрадостный городок, глядящий вокруг пустыми глазницами окон, они выехали на грязную дорогу, по которой всё так же сплошным потоком двигались вперемешку цивильные и военные. Цивильные бежали от войны, военные переправлялись через Сиваш, чтобы где-то здесь, под Чонгаром, занять свое место в окопах. Воздух здесь был напоен запахом гниющих водорослей и близкими солеными испарениями Сиваша.

Свернув с дороги, они вскоре выехали на невысокий пригорок. Отсюда в бинокль были хорошо видны окрестные дали: противоположный берег узкого здесь Сиваша и дамба, а также Чонгарский мост, сожженный Слащёвым¹⁵ летом при отступлении, но наскоро отремонтированный. И по мосту, и по дамбе непрерывным потоком, днем и ночью, двигались люди. А ещё дальше, за горизонтом, то справа, то слева от Сальково то и дело раздавались глухие военные громы.

Глядя на бесконечный людской поток, двигавшийся сюда, в Крым, Врангель ещё раз подумал: без помощи союзников прокормить такое количество людей они будут не в состоянии. Через месяц-два начнутся грабежи и всё, что сопутствует голоду. Голодная армия не сможет остановить этот шабаш, потому что и сама примет в нем участие. Нет ничего страшнее голодных людей, сбившихся в голодную стаю. Останется только одно: эвакуация.

Размышляя об исходе из Крыма, Врангель чисто теоретически прикидывал: имевшихся кораблей ему хватит, чтобы вывезти семьдесят – сто тысяч своих солдат. Сейчас, глядя на эту извивавшуюся по дороге, бесконечную толпу, он иными глазами увидел эту проблему. Конечно, не каждый солдат или офицер захочет покинуть Россию. Оставят её лишь те, кто серьезно провинился перед большевиками, у кого на руках их кровь. Таких наберется тысяч сто, может, чуть больше. Но каждый из тех, кто вознамерится покинуть Крым, не оставит большевикам свою семью: жен, детей, престарелых родителей. И он, Врангель, не сможет отказать им в этом. Он даже не сможет от беспомощности застрелиться, потому что и в этом случае он останется в их памяти предателем. Значит, эвакуировать из Крыма надо будет примерно триста тысяч человек. Где взять столько судов?... Нет-нет, это невозможно!

– Вы что-то сказали? – удивленно спросил стоявший рядом с Врангелем Кутепов.

– Ничего...

– Мне слышалось, вы сказали: невозможно. Я тоже об этом подумал: мы не имеем права сдать Сальково, прежде чем последний наш солдат не переправится в Крым.

– Да, конечно, – рассеянно согласился Врангель и подумал, что вся надежда только на союзников. Они могут помочь и судами, и продовольствием. Но какую цену они за это запросят?

Здесь, на холме, их отыскал генерал Макеев, руководивший возведением всех оборонительных укреплений. Он подъехал в сопровождении двух офицеров на небольших выносливых маштаках¹⁶. Это были сотрудники Макеева, инженеры-фортификаторы, непосредственно руководившие возведением оборонных сооружений.

– Чем порадуете? – спросил Врангель.

– Работы ведутся днём и ночью, – начал Макеев.

– Вы что, из священников? – насупился Врангель, ему не понравился выпененный стиль, принятый Макеевым.

¹⁵ Яков Александрович Слащёв-Крымский (29 декабря 1885 года – 11 января 1929 года, Москва) – русский военачальник, генерал-лейтенант, активный участник Белого движения на юге России.

¹⁶ Маштак – небольшая приземистая лошадка, калмыцких или казахских кровей.

– Никак нет. Окончил Санкт-Петербургскую военную академию, фортификационное отделение.

– Продолжайте.

– Работы ведутся круглосуточно, – поправился Макеев. – Извольте обратить внимание на левый склон.

Врангель посмотрел в бинокль. Отметил проволочное заграждение, протянувшегося вдоль крутого обрыва по побережью Сиваша, и ещё два ряда «колючки» – по склону. Выше располагались пулемётные гнезда.

– В иных местах до пяти рядов заграждений. И пулемёты. И так почти до самого Перекопа.

– Почему «почти»? – спросил Врангель.

– Ещё месяц назад, когда мы приступали к работам, я направил в штаб две докладные по поводу стройматериалов. До меня, насколько я знаю, к вам обращался по этому же поводу генерал Юзефович. Местность безлесная, и бревно и доска – на вес золота. А их доставляют нам в аптекарских дозах.

– Что? Лесом тоже должен заниматься командующий? – вскипел Врангель.

Кутепов, принявший этот гневный упрек на себя, тихо сказал:

– К сожалению, Северная Таврия тоже безлесная. Приходится обходиться своими силами.

– Каким образом?

– Сейчас я вам покажу.

Они проехали вдоль обрыва. Крохотные деревушки, фольварки немцев колонистов, сколько видел взгляд, были разрушены. Сиротливо стояли одни лишь стены. У иных домов копошились люди, то ли растаскивали ещё не до конца разворованное, то ли пытались превратить развалины в некое подобие жилья, чтобы в нем пережить зиму.

– Отменно постарались, – упрекнул Кутепова Врангель.

– А что было делать, ваше превосходительство? – вступился за Кутепова Макеев. – Голая степь, ни деревца, ни кустика. С кирпичом как-то обходимся. А вот лес необходим для обустройства наблюдательных пунктов, землянок. Больной, обмороженный солдат не сможет воевать. Вынужденно берем – от безвыходности. На благое дело.

– Разве что на благое, – подобревшим голосом сказал Врангель. – Будем надеяться, Бог нас простит.

Они проехали вдоль берега ещё несколько верст, и Врангеля повсюду радовали едва не в полный рост вырытые окопы, обустроенные пулеметные гнезда и землянки. Кое-где солдаты весело подчищали окопы, обживали землянки, маскировали их.

Сопровождавший Врангеля Шатилов вдруг резко дернулся и едва не упал с коня. После чего удивленно посмотрел на Кутепова:

– Что это, Александр Павлович? Шмель – зимой? Никогда не слыхал про такое.

– Это – пуля. Обычная пуля на излете, – спокойно пояснил Кутепов. – Она уже не свистит, а словно бы от бессилья жужжит. Безвредная пуля.

– Однако! – сокрушенно покачал головой Шатилов. Коротко взглянув на часы, твердо сказал: – Скоро начнет темнеть. Пора бы и домой.

– Да, пожалуй! – согласился Врангель и обвел всех взором. – Благодарю... Доволен... Много сделано, многое ещё предстоит сделать. Но Крым и ныне уже для большевиков неприступен.

В Джанкой они вернулись уже в глубоких сумерках. По дороге все ещё месила грязь бесконечная вереница беженцев, надеявшихся спастись за надежными стенами Крыма.

Глава четвертая

Едва уставший с дороги Врангель вошел в свой салон-вагон, как к нему тут же явился старший адъютант Михаил Уваров.

– Ваше превосходительство, генерала Бруссо и адмирала Дюмениля я известил о вашем желании встретиться с ними. Они сейчас в Севастополе и готовы навестить вас в любое удобное для вас время, – доложил он. – Кроме того, сюда, в Джанкой, прибыл генерал Слащев. Просит о встрече.

– Как он здесь оказался? – недовольным голосом спросил Врангель.

– Я так понял, он здесь в своем вагоне. Вероятно, прицепил его к попутному поезду. Это же Слащев!

– Что ему надо?

– Подробности не доложил. Сказал, что хочет встретиться с вами по неотложному делу.

– Что ещё?

– Вас ожидают газетчики, двое иностранных и четверо наших.

– Какие газеты?

– Иностранцы – из английской «Таймс» и французской «Матэн». Наши представляют «Русское слово», «Крымский вестник», «Только факты» и, кажется, «День». Я сказал им, что вы сегодня же отбываете в Севастополь. Они просят уделить хотя бы пять минут.

Разговаривая с Уваровым, Врангель одновременно после дороги приводил себя в порядок: умылся, передел более легкую черкеску. Взглянул на себя в зеркало и решительно сказал:

– Слащева не принимать. Опять с какими-нибудь сумасбродными проектами пожаловал. Журналистов – тоже.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

Врангель некоторое время в задумчивости постоял посредине своего жилого купе, затем обратился к Уварову, собиравшемуся уже уходить:

– Говорите, два иностранных журналиста?..

– Да. Давние ваши знакомые, Колен и Жапризо. Вполне сносно говорят по-русски.

– Да-да, припоминаю... Журналистов, пожалуй, надобно принять.

– Может быть, только иностранных? – подсказал Михаил Уваров.

– Лучше уж всех. Они – народ обидчивый. Могут потом такое написать, за год не отмоешься.

– Журналисты вас любят, Петр Николаевич, – польстил командующему Уваров.

– Ах, Микки! Они любят успешных генералов. Но едва ты выпустишь из рук удачу, сразу же начинают усердно тебя уничтожать. А она, Микки, кажется, покидает нас. Поэтому нам не стоит с ними ссориться.

– Так приглашать? – снова спросил Уваров.

– Вначале все же приму Слащева. – И, словно оправдываясь перед Уваровым за свои колебания, Врангель добавил: – В прежние времена его иногда посещали дельные мысли. Может, и на этот раз скажет хоть что-нибудь заслуживающее внимания. Да и не встречался я с ним давно. Нехорошо...

Спустя минут пять в двери кабинета командующего возник странный человек, облаченный в гусарский доломан, поверх которого был наброшен расшитый шнурами красный ментик, отороченный пушистым белым мехом. Если бы не обычная офицерская фуражка, можно было подумать, что этот гусар заблудился во времени и явился сюда из прошлого столетия. Или актер, наряженный гусаром, перед выходом на сцену, случайно перепутал двери.

Врангель улыбнулся, узнав его. Слащев и прежде славился своими экстравагантными выходками. Врангелю докладывали, что еще совсем недавно он на Каховском плацдарме в этом

эксцентрическом одеянии, сопровождаемый оркестром, несколько раз ходил в атаку и ни разу его не задела большевистская пуля. Врангель помнил, что Слащев внес самую большую лепту в прошлогоднюю оборону Крыма.

Было время, Врангель восторгался Слащевым и даже по-своему любил его за храбрость, бесшабашность и эксцентричность. Но в последние месяцы со Слащевым стали происходить странные перемены не в лучшую сторону. До Врангеля дошли слухи, что он пристрастился к кокаину, стал высокомерен и нетерпим к критике. Потом Врангель и сам убедился в этом. На одном из совещаний Слащев стал задиаться с командирами дивизий, и дело едва не дошло до драки.

А в последний раз (это случилось в начале августа) он и вовсе вступил с Врангелем в яростный спор из-за упрека, сделанного Слащеву командующим, по поводу якобы проигранной им Каховской операции. Слащев не согласился с Врангелем и наговорил ему много обидных слов, упрекнул в том, что барон окружает себя льстецами и не любит популярных в армии офицеров, намеренно отдаляя их от себя. В запале спора Слащев решил припугнуть командующего. Он взял с его стола чистый лист бумаги и прямо там же, стоя у стола, написал рапорт об отставке: «Ввиду неудовольствия исходом операций, высказанной вашим превосходительством, ходатайствую об отчислении меня от должности и увольнения в отставку. Слащев».

Врангель тогда не принял его отставку. Но через несколько дней он все же был вынужден подписать приказ по армии номер 3505. В нем говорилось:

«В настоящей братоубийственной войне среди позора и ужаса измен, среди трусости и корыстолюбия особенную гордость для каждого русского представляют имена честных и стойких русских людей, среди которых и имя генерала Слащева.

С горстью героев он в свое время отстоял пядь русской земли Крым и отдал этому все свои силы и здоровье, и ныне вынужден на время отойти на покой. Дабы навеки связать имя генерала Слащева со славной страницей настоящей великой борьбы, генералу Слащеву впредь именоваться Слащев-Крымский».

О поражении под Каховкой Врангель решил больше Слащеву не напоминать. Случилось – и случилось. Не всегда полководцы стяжают только славу.

С тех пор Врангель со Слащевым не виделся, хотя командующему нет-нет и докладывали о его кипучей деятельности. Время от времени Слащев выдвигал различные сумасбродные прожекты.

Не так давно по Ставке ходила его докладная записка с предложением высадить в районах Херсона и Одессы мощный десант, воссоздать в этих районах вольное казачество и установить там демократическую правовую власть на общероссийских федеративных основаниях – в противовес самостийным силам. Иначе население Украины может поддаться на агитацию Петлюры и временно пойти за ним. А это грозит Украине дальнейшим кровопролитием.

И последняя идея Слащева. Он предлагал способ, как ликвидировать в крымских горах отряды зеленых. Для этого необходимо сплотить на национальной основе татарское население и организовать в Крыму татарские войска, наподобие кубанских. Татарское население перестанет поддерживать красных партизан продуктами, а без продуктов они существовать не смогут.

Врангель с легкой улыбкой долго смотрел на стоявшего в дверном проеме Слащева, затем торопливо пересек кабинет и обнял его. Слащев, давно ждавший этой встречи, растроганно прислонил голову к плечу командующего и подавил в себе глубокий вздох.

– Ну, полноте, Яков Александрович! – поглаживая по спине, Врангель стал добродушно успокаивать взволнованного опального генерала: – Вижу, лечение пошло тебе на пользу. Выглядишь, как новобранец.

– Все верно, ваше превосходительство! Я здоров, возраст призывной, но прожигаю жизнь в безделье. Если не найдёте мне подходящую моему опыту должность, уйду на фронт простым солдатом, – обиженно сказал Слащёв.

– Зачем же такие крайности! Ты, Яков, нужен мне генерал-лейтенантом, – подводя Слащева к дивану и усаживая, сказал Врангель. – Но скажи, мой друг, к чему этот твой маскарад?

– К цивильному, ваше превосходительство, не привык, а в военном, в связи с отстранением меня от должности, ходить не могу. А эта форма мне нравится, она еще пахнет дымом былых славных сражений и обязывает блюсти честь и достоинство.

– Ты, Яша, не пробовал писать стихи? – с едва заметной иронией, но ласково, как у больного, спросил Врангель. – Уверен, у тебя бы это хорошо получилось.

– В последнее время меня все больше привлекают рапорты и докладные записки. Тоже, если вдуматься, вполне литературный жанр.

– Читал. Убедительно излагаешь. И мысли вполне разумные и здравые. О том же запорожском казачестве. Но, к сожалению, ты высказал их с некоторым опозданием. О каком казачестве предлагаешь нам печься, коль и Таврия, и все Сечи запорожские уже скрываются за кормой нашего парохода. Мы – в родном тебе Крыму. И наша задача продержаться в нем до весны. А потом... потом ты будешь мне очень нужен.

– Ну а сейчас? – в упор спросил Слащев. – Сейчас, что я не очень нужен?

– Нет, ну почему же! С сего дня ты поступаешь в распоряжение генерала Кутепова. Приказ об этом я подпишу уже сегодня. Но ты не торопись. Приведи в порядок накопившиеся дела, и с Богом – за дело!

– Спасибо, Петр Николаевич, за доверие. Постараюсь оправдать. Только пришел я не только за должностью... Позвольте высказать вам некоторые мои размышления, возможно, они покажутся заслуживающими внимания.

– Только коротенько, – попросил Врангель. – Меня сегодня еще ждут газетчики. К тому же, я сегодня возвращаюсь в Севастополь, поскольку на завтра там уже назначены важные встречи.

– Совсем коротко. Я тоже, как и вы, ваше превосходительство, думал о предстоящей весне. Нам нужно заранее, на протяжении зимы, а она здесь короткая, привлечь на свою сторону как можно больше населения. Главным образом крестьян. Как вы знаете, ряды наших войск в основном пополняют именно крестьяне.

– Против этого трудно возразить, – сказал Врангель. – Но каким образом ты предлагаешь привлечь к нам крестьян?

– Крестьянин, ваше превосходительство, воюет не за идею. Это мы умираем за идею. А крестьянину нужна земля. Большевики уже давно взяли на вооружение эту мысль. Лозунг «Фабрики – рабочим, земля – крестьянам» они хорошо эксплуатируют, благодаря чему пополняют людьми свою армию. Но фактически, ни фабрики рабочим, ни землю крестьянам они так еще пока и не отдали. Но обещают. Уже несколько лет обещают. И лозунг как был, так и остается лозунгом. Люди постепенно перестают большевикам верить. Нам надо перехватить у них этот лозунг.

– И каким же способом ты предлагаешь это сделать? – Врангель внимательно воззрился на Слащева.

– Манифестом, подробным и убедительным. Очень доходчивым по языку, понятным даже самому неграмотному крестьянину. Скажем, каждому крестьянскому двору – не менее пятидесяти десятин земли. Или каждому едоку – по три десятины.

– Но ведь примерно это же заявили и большевики. Почему ты думаешь, что нам поверят? В чем разница?

– Разница, Петр Николаевич, в том, что мы вслед за манифестом на протяжении зимы проведем здесь, в Крыму, межевание и раздадим землю. Крестьянин перестал верить словам, а мы вслед за словами начнем совершать дела. Слух об этом разойдется по России.

– Ах, Яков, если бы это было все так просто, – вздохнул Врангель. – У меня уже третий месяц работает земельная комиссия. Горы бумаги исписали, все между собой перессорились,

толку – чуть. Но ты изложи для меня эти свои размышления. Попрошу комиссию ознакомиться и обсудить.

– В шею ее разогнать, эту вашу комиссию! – мрачно сказал Слащев. – У них там никто за сохой не ходил. Думают, что хлеб на деревьях растет.

Врангель встал, давая Слащеву понять, что аудиенция закончилась.

Слащев тоже подхватился с дивана и торопливо сказал:

– Ещё одна мысль, вполне сумасшедшая, но, возможно, она покажется вам более привлекательной...

– Ну, Яков Александрович! Ты злоупотребляешь моим добрым отношением к тебе! – укоризненно сказал Врангель. – Выкладывай! Только, пожалуйста, конспективно. У меня сейчас каждая минута дороже золота.

– Я коротко. Это о материальном положении солдат, офицеров и их семей. И обо всем остальном, что упирается в деньги. Наша казна пуста. Денег практически нет. На наше жалование даже кошку не прокормишь.

– Ты, Яша, рассказываешь мне то, что я и сам хорошо знаю. Мы союзникам задолжали миллиарды, – насупился Врангель. – Если у тебя есть какие-то дельные предложения, высказывай. Временем на пустопорожние разговоры я не располагаю, извини.

– Высказываю. Надо привлечь частный капитал. Все богачи в основном находятся здесь, в Крыму. Они надеются уже весной вместе с армией вновь вернуться в свои дома.

– Ну, надеются. И что из того? – нетерпеливо переспросил Врангель. Он уже сердился сам на себя за то, что согласился встретиться со Слащевым.

– Мысль простая: все имущие слои населения должны сознательно отдать половину своего состояния, в чем бы оно не заключалось, на финансовое и экономическое развитие России, – четко сказал Слащев и поднял глаза на Врангеля, пытаясь понять, какое впечатление произвели на командующего его слова.

– Мы – здесь, а имущество их – там, в Совдепии, – уже с некоторой долей иронии сказал Врангель. – Так в чем же твоя новация?

Слащев понял, что его идея, не в одну бессонную ночь продуманная и казавшаяся ему такой простой и в то же время спасительной для России, не «зацепила» главнокомандующего. Впрочем, он только начал ее излагать, он еще не высказал самого главного. И он торопливо продолжил:

– Технически это выглядит так. Они передают юридические обязательства на передачу половины имущества и других ценностей в собственность государства. Представляете, какой возникает фонд? Он послужит основанием для выпуска денежных знаков с правом их хождения наравне с любой другой валютой. Под такое обеспечение за граница с удовольствием станут нас кредитовать. Совдепия же лишится кредита, так как всё имущество на её территории окажется уже заложенным.

– Интересно, Яша, – остановил Слащева Врангель, думая при этом, что Слащев, вероятно, все еще не отказался от употребления кокаина. Только сейчас он заметил, что его глаза лихорадочно блестят, говорит он торопливо и каким-то полупшепотом, словно открывает некую великую тайну.

– Представляете, ваше превосходительство, большинство необходимых нам потребительских товаров, вооружения, обмундирования за граница станет охотно нам пос...

– Это очень интересно, – на полуслове оборвал Слащева Врангель и сделал несколько шагов в сторону выхода из кабинета. Слащев последовал за ним.

– Этот вопрос мы несомненно в ближайшее же время подробно обсудим, – Врангель ободряюще похлопал Слащева по спине. Уже возле двери он сказал: – Вот уж не думал, что ты обуреваем такими государственными мыслями. Похвально! Надеюсь, после завершения войны тебе найдется достойное место в гражданском правительстве.

Когда Слащев покинул Врангеля, из его покоев в кабинет вошел Михаил Уваров.

– Петр Николаевич, а может, отменим журналистов?

– Неприлично, – покачал головой Врангель. – Надо было сделать это раньше. А теперь... что ж! Зовите! – и он скрылся в своих покоях.

Минут через десять журналисты чинно расселись в кабинете главнокомандующего. Врангель выждал, когда они перестанут между собой переговариваться и в кабинете наступит тишина, и лишь после этого из своих покоев вышел к ним. Мельком обвел их цепким взглядом и уселся в кресло.

– Здравствуйте, господа. Рад всех вас видеть в добром здравии.

По издавна заведенному ритуалу, журналисты представились, каждый называл свою газету, словно имен у них не было.

Колену и Жапризо Врангель доброжелательно кивнул. Остальных четверых он видел впервые, и каждого из них он пристально рассматривал, словно пытался понять, что от них ждать.

Когда все представились, Врангель сказал:

– Господа, мне передали вашу просьбу уделить вам несколько минут. Кажется, вы просили пять? – он извлек из нагрудного кармана и положил перед собой на стол массивный серебряный брегет. – Условимся о десяти минутах.

Журналисты зашевелились, стали перешептываться. Наконец поднялся давний знакомый Врангеля Жапризо, представляющий французскую газету «Матэн»:

– Ваше превосходительство, вы только что вернулись с фронта. Ваши впечатления? Расходятся ли они с впечатлениями французского генерала Бруссо, который побывал примерно там же, на Чонгаре, двумя днями раньше?

– Я уже довольно скоро буду вынужден с вами расстаться – выезжаю в Севастополь, – попытался уклониться от прямого ответа Врангель. – Надеюсь уже завтра встретиться с генералом Бруссо. Мы обменяемся впечатлениями, и тогда я смогу вам точно сказать, расходятся ли они у нас.

– И всё же! Тогда – ваши личные впечатления? – настойчиво спросил главнокомандующего невысокого росточка пожилой журналист в толстых цилиндрических очках. Он был одновременно и главным редактором довольно скандальной газеты «День», которая возникла, по современным меркам, давно, в начале девятнадцатого года, во время первого изгнания красных из Крыма.

– Ну что ж, отвечу. Я лично осмотрел участок фронта от Таганаша до Чонгара, который меня больше всего тревожил. Теперь я за него спокоен. Я уж не говорю о неприступных берегах Перекопа. Теперь, я уверен, Крым выстоит. Работы по укреплению позиций продолжают вестись, но даже в нынешнем виде противник едва ли сумеет преодолеть Сиваш. Крым стал крепостью, вторым Верденом.

– Ваше превосходительство, – обратился к Врангелю тощий лысый корреспондент «Русского слова». В газете он главным образом писал фельетоны и, как говорили, владел ядовитым пером. – Наши читатели задают нам много вопросов, на которые мы по мере своих сил и возможностей отвечаем. Но на один из таких вопросов, который наши читатели задают довольно часто, мы избегаем отвечать. Не сумеете ли вы ответить: уход наших войск из Северной Таврии – это военная тактика или обыкновенное бегство?

– Вы сами почти ответили на свой же вопрос, – ласково, как несмышленишу, сказал Врангель. – То, что иным кажется отступлением, беспорядочным бегством, на самом деле является тактическим ходом. Вспомните «Войну и мир» Толстого. Российское общество отход войск Кутузова за Москву считало паническим бегством. Вы помните, чем это кончилось? Мы поступаем едва ли не так же: организовано уходим в Крым, чтобы в зимнее время сохранить боеспособность армии. Весною отдохнувшая и окрепшая армия выйдет на просторы Северной

Таврии и двинется дальше. Я ничуть не сомневаюсь, двадцать первый год станет годом окончательной победы над большевизмом, и мы еще отметим это событие в столице Первопрестольной. О каком бегстве вы говорите? Съездите на Чонгар или Перекоп. Войска планомерно и организованно, полк за полком, дивизия за дивизией, по заранее намеченному графику переправляются через Крымский перешеек.

– Согласованы ли все эти перемещения вашей армии с военными советниками союзников? – спросил англичанин. – Одобрены ли ими ваши действия? На какую помощь союзников вы рассчитываете? Продовольствием? Боеприпасами? Будут ли они ее оказывать?

– Эти вопросы, господин Колен, советую задать вашему правительству. Оно точнее ответит на этот вопрос.

Врангель решительно встал, поднял за цепочку брегет и, раскачивая им над столом, сказал:

– Сожалею. Но время нашего общения истекло. Я, конечно, мог бы подробно ответить на вопросы, заданные господином Коленом, но на это ушло бы слишком много времени. За его неимением, я отвечу коротко. Союзники на то и союзники, чтобы в трудную минуту можно было рассчитывать на их плечо. Наши действия они бесспорно одобряют, и, надеюсь, окажут нам посильную помощь.

Врангель спрятал в карман часы и добавил:

– Извините, что отвел вам так мало времени. Я высоко ценю ваш интерес к событиям, которые здесь, у нас, происходят. Совершенно не имея времени, я все же принял вас, дабы не прослыть среди журналистов человеком необщительным и скрытным. Я сейчас отбываю в Севастополь для важных встреч. Естественно, возникнут новые новости – они возникают сейчас не только каждый день, но и каждый час, и даже чаще. С удовольствием поделюсь ими с вами в ближайшие же дни. До встречи! – и, слегка кивнув головой, Врангель удалился в свои апартаменты через боковую дверь.

Журналисты, покинув теплый салон-вагон, спустились на железнодорожную насыпь. Подморозило, под ногами похрустывал тонкий ледок, покрывший мелкие лужицы. На черном небе перемигивались, обещая мороз, крупные звезды.

К вагону командующего, стоявшему на путях, был уже прицеплен паровоз. Ожидая сигнала отъезда, он тяжело вздыхал, обдавая себя клубами пара.

Едва последний из журналистов покинул вагон, паровоз, пронзительно взвизгнув в морозном воздухе, тронулся. Мимо них проплыли еще два вагона, в которых размещались штабисты, связисты, шифровальщики, а также охрана командующего. В этих вагонах тоже углавалась жизнь, но более тихая и мало заметная. Окна вагонов едва теплились: купе освещались масляными каганцами¹⁷.

Когда вдали растаял красный огонек хвостового вагона, в наступившей тишине кто-то из журналистов громко спросил:

– Ну и что мы имеем?

– Бульон от вареных яиц, – осклабился корреспондент «Дня».

– Нет, почему же! Он сказал даже больше, чем хотел. Анализировать надо не только то, что он сказал, но и то, о чем промолчал, – сказал лысый редактор «Русского слова». – Материала для размышлений вполне достаточно.

– Любопытно все же, по каким делам он помчался в Севастополь? – задумчиво спросил корреспондент «Крымского вестника». – Фронт-то здесь...

– Поближе к морю, – с ядовитым смешком произнес корреспондент «Дня», чем вызвал иронические ухмылки остальных.

¹⁷ Каганец – светильник, состоящий из черепка с салом и фитиля.

– Вы полагаете... – начал было корреспондент «Русского слова», и смолк, так и не высказав испугавшую его мысль.

– А чего тут полагать! Драпаем! Улепетываем! Рвем когти! – не в пример всем остальным хилый и шуплый редактор «Крымского вестника» не осторожничал, а высказывался громко и скандально.

– Нет-нет! Это неправда! Этого не допустят союзники! – не согласился редактор «Русского слова» и обернулся к французу Жапризо. – Скажите, ведь не допустят?

– Не знаю, – пожевав немного губами, Жапризо уклонился от ответа. – Мы, журналисты, не делаем политику. Мы ее всего лишь потребляем.

– А вы? – редактор «Русского слова» обернулся к Колену. – Что думаете вы?

– Я думаю о пинте пива, куске сочного бифштекса и о чистой теплой постели. Вы – русские – заварили эту кашу, вот и думайте. Это – ваши заботы.

Глава пятая

В Повстанческую группу войск Нестора Махно, которую после Старобельского совещания условились называть Крымской Повстанческой, Кольцов выехал не сразу после беседы с Менжинским. По меньшей мере сутки ему понадобились для того, чтобы разобраться во всей оперативной обстановке на фронте, но главным образом в полосе, которую штаб отводил махновцам. Там же, в разведотделе Южфронта, он выяснил месторасположение группы и подробно расспросил, как удобнее и безопаснее туда добраться.

В разведотделе Кольцова предупредили о том, что сейчас в районах Присивашья большая вероятность оказаться в плену у какого-нибудь батьки Чобота, Чалого или Матвиенка: в последние дни слишком много банд расплодилось в Северной Таврии. Они передвигались вслед за фронтом, и в районах, освобожденных от белых, где еще не успела прочно установиться советская власть, грабили недограбленное и, хоронясь днем где-нибудь в степных колках или жидких лесочках, ночами с тяжелой добычей растворялись на широких таврических просторах.

Перспектива оказаться еще у одного батьки Ангела Кольцова вовсе не грела, но и выделить ему достойное сопровождение не имели возможности. Как выяснил Кольцов, махновцы с боями уже миновали Мелитополь и Акимовку и находились на подступах к Крымскому перешейку. По предварительной договоренности, они должны были разместиться неподалеку от Сиваша, во Владимировке и в нескольких ближних от нее селах. Отсюда начинался участок их боевых действий за овладение Крымским перешейком.

Как рассказали Кольцову разведчики, это была голая просоленная равнина. Нигде ни деревца, ни кустика. Сиваш, вдоль которого стояли малолюдные села, только в летнюю жару можно было перейти вброд. Зимой, когда ветры нагоняли с Азовского или Черного моря в него воду, он был редко когда проходимый. Иногда, в лютые морозы, он замерзал, но лед был не прочный, не всегда мог выдержать человека.

На противоположной стороне этого Гнилого моря (так еще называют Сиваш) к самой воде спускались пять рядов колючей проволоки и кое-где даже издали были видны пулеметные гнезда.

Чтобы форсировать Сиваш и утвердиться на крымском берегу, махновцам предстояло решить не одну задачу. И каждая из них была почти неразрешимая.

...Гольдман делал все для того, чтобы всячески обезопасить поездку Кольцова в район участка боевых действий, отведенного Повстанческой армии. Позаботился он и о том, чтобы и там, среди махновцев, ему не было бы одиноко. В качестве адъютанта к Кольцову приставили Тимофея Бушкина.

Такую должность Тимофею ещё никогда не приходилось исполнять. Он решил, что, прежде всего, в его обязанности входит охрана Кольцова. Поэтому помимо уже имевшихся у него маузера, сохранившегося ещё со времен службы в бронепоезде Троцкого, он уже к вечеру где-то добыл короткий кавалерийский карабин и полный подсумок патронов.

Гольдман тем временем носился по знакомым полковым командирам в поисках транспорта. Случайно встретил в Каховке недавнего попутчика снабженца Жихарева. Он появился, как черт из рукомойника, но обрадовался Гольдману, как своему родственнику, и долго жал ему руку.

– А как комиссар? – спросил Жихарев. – Лихой парень, люблю таких. Может, потому, что и сам такой.

Поговорили о разном.

– Вы где же сейчас, Жихарев? – поинтересовался Гольдман. – Где вас можно найти?

– А я – везде! – хохотнул Жихарев. – Я вам нужен?

– Просто так спросил. Вспоминаем иногда...

– Я тоже часто вас вспоминаю. Хорошая компания, хорошая поездка. Не против еще раз ее повторить.

– После войны, – сказал Гольдман.

– Никаких возражений.

Они попрощались, и Жихарев исчез также внезапно, как и появился. Впрочем, Гольдману было не до него, и вскоре он совсем забыл об этой мимолетной встрече, не догадываясь, что она еще будет иметь необычное продолжение.

Там же, у снабженцев, Гольдман раздобыл тачанку с тройкой коней. Тачанка была, вероятно, музейная, покрытая черным лаком и немного смахивала на катафалк. С ней никак не гармонировал стоящий на задке пулемет «Максим».

На рассвете следующего дня Гольдман громко разбудил Кольцова:

– Карета подана, ваше сиятельство!

Наскоро умывшись, Кольцов вышел во двор каховской гостиницы, в которую была превращена обыкновенная сельская хата со сволоком¹⁸ и с пучками душистых степных трав, заткнутых за него. По настоянию Гольдмана Кольцов и Бушкин остались здесь ночевать.

Оглядев двор, Кольцов не увидел тачанки, которую с вечера обещал ему Гольдман.

– Ну и где же тачанка? – спросил Кольцов у Гольдмана.

– Да вон же! – Гольдман указал на стоявший в глубине двора угловатый, словно весь сколоченный из больших тарных ящиков, зеленый грузовой «фиат». В его кузове на высокой самодельной турели был установлен пятиствольный пулемёт «Гочкиса». Возле грузовика прохаживались трое красноармейцев. Один – весь в коже, с квадратными очками на кожаном шлеме – был, вероятно, шофер. Остальные двое – обслуга пулемета.

– Ну, зачем это! – Кольцов укоризненно посмотрел на Гольдмана и с иронией спросил: – Что? Броневи́к не сумели достать?

– Твое легкомыслие, Паша, порой меня удивляет. Видно, ни разу не клевал тебя в задницу жареный петух, – ворчливо сказал Гольдман. – Пойми, пожалуйста! Ты отправляешься в самый кипяти́к, и можешь там легко свариться. А я хочу, что бы ты даже не ошпарился.

– Но почему не тачанка?

– Не понравилась она мне... Сильно приметная, панская. На таких начальство ездит. С десятком верховых охраны. И то всякое случается...

– К сожалению, ни от нас с Бушкиным, ни от вас ничего не зависит. «Гочкис» зачем? – не унимался Кольцов.

– Для безопасности. И не зли меня, пожалуйста, Паша! Не расстраивай! – сердито выговорил Кольцову Гольдман. – На все случаи жизни, конечно, не застрахуешься. Но все же я буду чуть меньше волноваться, пока вы доберетесь до места. А у меня, учти, больное сердце. Мне доктор запретил волноваться.

Трое красноармейцев деликатно ждали, пока Гольдман с Кольцовым закончат разговор, и лишь затем по очереди представились. Тот, что в коже, назвал себя Артемом Кошевым, остальные двое пожилых были пулеметчиками, обслугой «гочкиса». Звали их Семеном и Савелием, и были они родными братьями.

– Ну что ж! Поехали! – шофер как-то сразу принял на себя командование экипажем. – Вы, товарищ комиссар – в кабину, – сказал он Кольцову и указал на Бушкина: – А ваш товарищ – третьим номером при пулемете.

– У меня карабин, – сказал Бушкин.

¹⁸ Своло́к или мати́ца – основная опорная балка, поддерживающая в деревянных постройках потолок. На безлесном юге Украины эта балка называлась сволоком.

– Карабин – вещь хорошая, а все ж пулемет чуток получше, – уже стоя на подножке «фиата», сказал Кошевой. – Будем надеяться, обойдемся без шума.

Автомобиль легко задрожал, ожидая, когда все члены экипажа займут свои места. Кошевой отдал ещё какие-то указания пулеметчикам. И они выехали со двора гостиницы.

* * *

Утренняя дорога была тряской, кочковатой. С вечера ее изрядно вымеси́ли двигавшиеся в сторону Крыма войска. Ночью грязь прихватил морозец, и она застыла. Автомобиль немилосердно трясло.

Невыспавшийся Кольцов надеялся часок-другой в дороге вздремнуть, но вскоре понял, что из этого ничего не получится, и стал с интересом разглядывать дорогу. Изредка по ней двигались подводы с какой-то военной поклажей. Сбившись в небольшие группки, устало шли полусонные красноармейцы. По мере приближения автомобиля они, не оборачиваясь, привычно сторонились к обочине. Для них эти, на автомобиле, были людьми из другого мира. Иногда Кольцов ловил на себе их недобрые взгляды. Испокон веку те, кто шёл пешком завидовал тем, кто ехал.

По обе стороны дороги во все стороны расстилалась ровная серая степь. Ещё недавно она славилась тем, что кормила своим хлебом пол-Европы. Чем она была засеяна прошлой весной, Кольцов никак не мог понять.

– К весне голод будет, – перехватив взгляд Кольцова, мрачно сказал шофер.

– Почему вы так думаете? – спросил Кольцов.

– А чего тут думать, – шофер взглядом указал на степь и произнес одно только слово: – Бурьяны!

Кольцов и сам теперь уже понял: прежде здесь, в Таврии, степь в эту пору ровно шетинилась стерней, а ныне больше походила на заброшенную свалку. Среди потемневших и поникших от первых заморозков кустов полыни, резака, синеголовника повсюду над степью возвышались темными бугорками, ожидая пронизывающих северных ветров, округлые головы курая, который ещё называют перека́ти-полем. Для чьего-то несведущего взгляда этот пейзаж, возможно, и был милым, но не для хлебороба. Он-то хорошо знал цену заброшенной, опустошенной земли.

– А вы что же, из крестьян? – любопытствовал Кольцов.

– Родители, точно, из крестьян. А я уже – не пойми кто. В мехмастерских работал. Лобогрейки, плуги, бороны ремонтировали. Вроде бы и рабочий, а работал на крестьянина. Как выглядит голод, не по чужим рассказам знаю.

Долго ехали молча. Поднималось солнце, высвечивая всю неприглядность порушенной войной земли. На обочинах дороги им то и дело встречались разбитые в недавних боях телеги и снарядные передки, убитые, с вздувшимися боками лошади.

На окраине села Черная Долина, имения своевременно бежавшего графа Мордвинова, увидели нечто непонятное. Под пока ещё низким утренним светом оно выглядело издали чем-то громоздким и угрожающим. Серое, угловатое, отливающее металлическим блеском, оно походило на какую-то странную неземную конструкцию.

По мере приближения, Кольцов понял, что это – танк, эдакая диковинная в этих краях военная машина, призванная наводить страх на пехоту противника. Страх не навела. Брошенный белыми, он одиноко стоял на окраине села, и был похож на те танки, которые не без помощи Кольцова нашли упокоение близ Харькова во время наступления Добровольческой армии на Москву. Танк стоял здесь уже не один день. В подмерзшей грязи к нему была протоптана тропа. Вокруг него толпились любопытные. Каждому, кто шел или ехал по каховской дороге, было интересно своими глазами увидеть это заморское чудище.

– Поверни, – попросил шофера Кольцов.

Автомобиль сполз с дороги и мягко покатил по протоптанной тропе.

Танк был совершенно целый, никаких видимых повреждений. Сверху на нем сидели, свесив ноги в постолах¹⁹, два красноармейца с винтовками. Они охраняли ценный трофей. Еще двое, расставив на куске брезента баночки с краской, старательно замазывали крупную надпись на стальной боковине «За святую Русь» и одновременно лениво переругивались с обступившими их мужиками.

– А что, уже отменили святость России?

– Дура! До Ленина, слышь, энту «таньку» повезут. И кто знает, моёт он неверующий, а мы ему такую дулю.

– Ну и как же она без имени? Вроде как не крещеная?

– Окрестим. Когда энту «таньку» останавливали, мово кореша Яшку из «танькиного» пулемета стрельнули. Мы промеж себя тогда решили, пускай будет рабоче-крестьянское имя: «Яшка – борец за мировую революцию».

– Буквов много, не влезит...

– А мы с другого бока.

– Не годится.

– А что годится?

– Надо бы что-то такое... Чтоб не про одного Яшку. К примеру, кто эту заразу завалил?

– Мы все. Четвертый московский полк.

– Вот и напишите, чтоб про весь полк. А лучше про всех москвичей. Что-нибудь вроде: «Товарищу Ленину от Четвёртого московского полка».

– Так опять же буквов много... Знаешь что?

– Что?

– Не морочь голову! Напишем просто: «Москвич – пролетарий». Так годится?

– Крестьяне обидятся. А лучше напишите: «Москвич – коммунист». Коротко и ясно. И сразу будет видно, что придушили эту заразу москвичи и что боролись они супротив богатеев за мировую коммунистическую революцию.

– Подойдет, – согласились маляры.

В другом кружке обсуждали достоинства невиданной техники.

– Интересуюсь, на чем она ездит?

– На гусеницах. Видишь, под колесами, вроде червяков.

– Я не про то. На бельзине ай на чем?

– На конской моче.

– Придурок! Я сурьезно интересуюсь. Мовет, на карасине ай на самогоне?

– А что, землячок, у тебя самогон имеется?

– Не, я так...

Третьи, подступив к самому танку, ощупывали толщину металла, исследовали все его швы, выступы и углубления. Один из этих, очкарик, поднял глаза на дымящих сигарками охранников:

– Эй, симулянты! – окликнул он их. – Заводите свою коломбину, махнем на Перекоп Врангеля додавливать!

– Сказано, ничего не трогать, – лениво ответили ему сверху. Охранникам, видимо, уже надоело огрызаться от толпящихся здесь с утра до вечера ротозеев.

– А если б велели?

– Бензину нема.

– А если бензин достанем?

¹⁹ Постолаы – грубая обувь из целого куска кожи, стянутого сверху ремешком.

- Все равно нельзя.
- Почему?
- Потому, что не велели... Сам товарищ Ленин обещался поглядеть на эту «таньку».
- Скажи, какая она у вас важная! Могла б своим ходом до товарища Ленина прибыть.
- Она-то могла бы, да только бензину нема.
- Ну и как же ее?
- До Геническа волами, а там – поездом.
- Короче, отвоевалась, – улыбнулся довольный таким обстоятельным разговором очкарик.

Вальяжный мужчина в лохматой барашковой папаше подъехал к танку на тачанке, пристав с сиденья, сверху оглядел толпу и лишь потом спустился на землю. Протиснулся сквозь многолюдье к самому танку, остановился возле Кольцова и Бушкина. Постоял, рассматривая танк, восхищенно спросил у Кольцова:

- Не знаете, сколько примерно в ней весу?
- Много, – ответил Кольцов. – А зачем это вам?
- Просто так. Интересно, сколько плугов она может потащить? – и, в упор разглядывая Кольцова, добавил: – Тяжелая, зараза. Так землю своим весом утрамбует, что сквозь нее никакая былинка не пробьется. Бесполезная для крестьянина машинерия.
- Вы, видимо, агроном? – спросил Кольцов.
- И это тоже. Всего понемногу, – как-то неопределенно ответил мужчина. – А вы из Каховки?

– Бывал когда-то...

– Лицо, гляжу, знакомое, – и, резко развернувшись, протискиваясь сквозь толпу, он пошел к своей тачанке.

Бушкин проводил его взглядом.

– Шибко он до вас приглядывался, – сказал он Кольцову. – С чего бы такой интерес?

– Должно быть, принял меня за кого-то, – пожал плечами Кольцов. И они тоже пошли к своему «фиату».

Дорога проходила через Черную Долину. На улице им стали встречаться женщины и старики с тачками, груженными доверху домашним скарбом.

– Что это они? Куда-то переселяются? – спросил шофер.

За поворотом им открылась мощенная булыжником небольшая площадь. В ее дальнем конце слабо коптило головешками недавно сожженное имение графа Мордвинова. Собственно, догорал только деревянный мезонин, сам же дом был выстроен из белого крымского камня. Он лишь слегка закоптился от пожара, но выстоял. Жители села толпились здесь с тачками и неторопливо и обстоятельно уничтожали то, что не тронул пожар.

Остановив автомобиль, не покидая его, они стали наблюдать за кипучей жизнью толпы. Люди выбрасывали из окон и тащили к своим тачкам ведра, чайники, керосинки, подсвечники, зеркала, слегка поврежденные огнем, но еще вполне годные кресла, оконные рамы – словом, все, что могло сгодиться в хозяйстве.

Две пожилые женщины вытащили на улицу поврежденный огнем и все еще дымящий в нескольких местах большущий гобелен с изображением барской охоты на оленей. Эта картина чем-то отдаленно напоминала происходившее на площади: такая же оголтелая толпа охотников с хищным блеском в глазах, свора злобных собак и бегством спасающиеся окровавленные олени.

Женщины деловито расстелили гобелен на мокром булыжнике и стали усердно затапывать кое-где еще тлеющую ткань. Они затапывали ногами в постелах лица обезумевших в азарте охотников, затапывали дымящиеся пасти озверевших собак и заливали мутной талой водой мордочки оленей с большими газами, застывшими в испуге.

В автомобильном окне со стороны Кольцова появился их знакомый в барашковой папаше.
– Любопытствуете? – не то спросил, не то укорил он и, указав на женщин, рвущих гобелен, пытаюсь его поделить, добавил: – Народ, что море, все унесет.

И исчез, словно растворился в воздухе. Кольцов повертел головой, но, ни тачанки, ни её пассажира нигде не было – должно быть, свернули в ближайший переулок.

И когда они уже покидали Черную Долину, Кольцов еще раз оглядывал площадь, но знакомой тачанки так нигде и не увидел.

За Черной Долиной дорога раздваивалась.

– Куда нам? – спросил Кольцов.

– А шут его знает! Я впервые здесь... – признался шофер. Затем немного помолчал и предложил: – А, может, рискнем, поедem по правой. Дорога хорошо наезженная.

– Лучше не рисковать, – сказал Кольцов. – Постоим. Кто-нибудь да подъедет – разузнаем...

Прошло совсем немного времени, к ним подъехала тачанка, на которой рядом с кучером восседал... все тот же их случайный знакомый.

– Похоже, заблудились? – ещё издали дружелюбно спросил он, увидев на перекрестке дорог «фиат» и прогуливающихся возле кабины Кольцова и шофера.

Легко соскочив с тачанки, он подошел к ним.

– Тут совсем недавно указатель был. Вам куда надо?

– А табличка куда указывала? – прежде чем ответил Кольцов, с кузова автомобиля спросил Бушкин.

– Понимаю. Секреты, – со вздохом сказал их знакомый. – И когда все это кончится?

– Как только, так сразу, – съязвил Бушкин и вновь настойчиво спросил: – Так что там было на указателе?

– Налево – на Асканию-Нову, и дальше, до самого Чонгара. А если вправо повернете, в Чаплинку, в Каланчак попадете, – и, все так же дружелюбно улыбаясь, он спросил: – Вам-то, как я понимаю, на Чонгар надо?

– Это почему вы так решили? – спросил Кольцов, не особенно, впрочем, раздражаясь от бесцеремонности случайного знакомого.

– А я – колдун. Правда. Я все про всех знаю. Вы вот едете, и не знаете, что у вас впереди. А я знаю.

– Ну и что? – Кольцов начал понимать, что перед ними или доморощенный шутник, или психически нездоровый человек.

– У вас впереди незабываемая встреча, – он громко захохотал. – Счастливого пути!

И, продолжая хохотать, колдун пошел к тачанке и едва ли не на ходу легко впрыгнул в нее. Они свернули вправо и вскоре затерялись вдали.

– Ох, не нравится мне все это! – мрачно сказал Бушкин.

– Что – «это»?

– И этот колдун, его интерес к нам, все эти его смешочки, ухмылочки. И это пророчество про незабываемую встречу.

– Это как раз понятно: люди в пути. В конце пути у них обязательно будет встреча, – пояснил Кольцов. – Я встречал таких. Они сами себя развлекают, и других заодно.

– А, может, он просто больной? – Бушкин покрутил палец у виска. – Ну, не может же здравомыслящий человек называть себя колдуном.

– Может, и больной, – согласился Кольцов.

– А вдруг и вправду колдун? Он когда от нас отъехал, верите – нет, на меня вроде как серой пахло! – серьезно сказал Бушкин.

– У вас больные нервы, Бушкин. Успокойтесь! – уже начал раздражаться Кольцов. – Больше мы с ним не встретимся. Нам – влево, на Асканию-Нову. А он направо свернул.

Они тронулись дальше. Замёрзшие ночью комья грязи оттаяли, и автомобиль мягко бежал по дороге.

Уже за полдень перед ними еще издали завиднелась довольно большая темно-серая роща, и послышался шумный, накликающий снега, грачиный грей. Это была окраина Аскании-Новой.

Не в пример Чёрной Долине, имение Фальц-Фейнов мало пострадало от пребывания здесь как белых, так и красных. Должно быть, в душах даже самых отпетых разбойников, при виде прекрасного, просыпается что-то доброе, человеческое.

Аскания-Нова была жемчужиной этого выжженного солнцем степного края. Всегда чистая, ухоженная, с белоснежным дворцом, утопающая в зелени, она завораживала взор, и даже сама мысль что-то разрушить здесь казалась большинству её посетителей кощунственной.

За время войны Аскания-Нова много раз переходила из рук белых к красным и обратно, но большей частью в ней были разрушены или сожжены лишь дворовые пристройки и частично разрушены вольеры, в которых хозяева имения содержали для забавы диких зверей, животных и птиц.

Даже лихие конники генерала Барбовича²⁰, проживавшие здесь несколько дней, не позволили себе ничего варварского. Правда, жарили яичницу из страусиных яиц, постреляли оленей и лебедей, выпустили из вольеров страусов, и они разбежались по степям. Их отлавливали и возвращали обратно. И никому в голову не пришло отправить их на кухню.

А медведь, выпущенный из загородки пьяными казаками, долго бродил по селам, пугая жителей и собак. Потом кто-то невзначай выяснил, что он умеет танцевать и, вероятно, прежде выступал в каком-то бродячем цирке. Его присвоили себе цыгане, и какое-то время ездили с ним по всей Украине, собирая толпы зрителей. Медведь неплохо кормил цыган в это голодное время. Но потом ему это надоело, и где-то под Нежином он от цыган сбежал. С тех пор больше о нём никто ничего не слышал.

Рассказывали и о том, что белогвардейские казаки присмотрели здесь, в помещичьих конюшнях, элитных коней, которых хозяева не сумели или не успели вывезти. Сытых, не измученных походами коней, они распределили между собой. Но ночью кто-то открыл ворота конюшен и выгнал их в степь. Почуввав волю, кони разбрелись по ближним и дальним окрестностям. Местные жители ещё долго ловили в Таврических степях статных одичавших скакунов.

Нет, не соврали тогда Ромка с Данилой Павлу Заболотному, когда сказали, что поймали чубарого красавца коня где-то здесь, в херсонских степях. Скорее всего, «Алмаз» – так называли его цыганчата – был из этой самой фальцфейновской конюшни.

Кольцов с Бушкиным и шофером Артемом Кошевым долго ходили по имению, любуясь его красотами и уцелевшими диковинами.

– Красота-то какая! – восторгался Бушкин. – Как в раю.

– В раю морозов не бывает, – буркнул Артем.

– Это еще неизвестно. Никто пока оттуда не приезжал, – и, удивленно качнув головой, Бушкин добавил: – И что удивительно, не поднялась рука!

– Вы о чем, Бушкин? – спросил Кольцов.

– Почти ничего не разорили. Не то, что в Чёрной Долине, – пояснил Бушкин. – Я когда в бронепоезде товарища Троцкого по России мотался, много всякого повидал. Отчего наш народ, как лютые разбойники, так любит грабить, разрушать, палить?

– От бедности, – коротко ответил Кольцов. – А потому, от ненависти.

²⁰ Иван Гаврилович Барбович (27 января 1874 года – 21 марта 1947 года, Мюнхен) – генерал-лейтенант кавалерии (1919). Деятель Белого движения в России. Организовал конный отряд из своих бывших однополчан, во главе которого выступил 26 октября 1918 года на соединение с Добровольческой армией генерала А.И. Деникина. С апреля 1920 года – командир 1-й Сводной кавалерийской дивизии в Русской армии генерала П.Н. Врангеля, участвовал в боях в Таврии. 19 июля 1920 года был произведён в генерал-лейтенанты. В сентябре – ноябре 1920 года – командир конного корпуса. Награждён учреждённым Врангелем орденом Св. Николая 2-й степени за доблесть и самоотвержение, многократно им проявленное в целом ряде боёв.

– И еще чуток от зависти, – добавил Бушкин.

– Пожалуй, – согласился Кольцов. – А вы, Тимофей, еще совсем недавно хотели во Франции начинать революцию? Не раздумали? Последствия будут примерно такие же.

– Чудные слова говорите, Павел Андреевич! – Бушкин удивленно посмотрел на него. – Вы вроде как против революции?

– Я против уничтожения имений, против пожаров, грабежей, бессмысленных расстрелов и убийств. Против уничтожения всего того, что человечество создавало на протяжении не одного столетия.

– А как же тогда понимать слова Интернационала: «Весь мир насилия мы разрушим», а уже потом построим свой мир? Я когда в Москве был, на митинге Ленина видел. Он вместе со всеми пел Интернационал. Не стал бы, если бы был несогласный.

– Ну, не буквально же надо это понимать, – возразил Кольцов. – Интернационал призывает разрушить мир насилия. Понимаешь? А вовсе не дворцы и имения.

– А «мир хижинам, война дворцам»? Это что, тоже не буквально? – наступал на Кольцова Бушкин. – А как же тогда революции совершать? В белых перчатках, да?

– Эх, Тимофей, Тимофей! – укоризненно покачал головой Кольцов. – Всякая революция, это, как правило, переворот, смена старой власти со всеми ее законами.

– Пока никаких возражений, – согласно кивнул Бушкин.

– Чаще всего, революция – это стихия. Буран. Тайфун. Она рушит на своем пути всё. Но тот, кто идет в революцию сознательно, должен понимать, что в первую очередь он должен помогать таким же, как он обуздать эту разрушительную стихию.

– А вот это уже слишком мудрено, – сказал Бушкин. – Вы, как Лев Давыдович Троцкий. Тот тоже, бывало, как чего скажет...

– Подумай хорошенько, поймешь. Слово «обуздать» разве тебе не понятно? Обуздать коня: смирить его, подчинить своей воле.

– Про коня – понятно, а вот про революцию – не совсем.

– Понимаешь, в ярости и злобе чего только люди не натворят! Дворец подожгут, все перебьют, переломают, скотину перестреляют. А потом, когда опомнятся – жалеют. А ты помоги им раньше опомниться. Возьми те же дворцы. Это лучшее, что создало челове... – Кольцов осекся на полуслове.

– Колдун! – взволнованно прошептал Бушкин, глядя поверх голов ротозеев, обступивших вольер с зебрами. – Честное слово! Это он!

– Где? – Кольцов стал тоже всматриваться в том же направлении, что и Бушкин.

– Честное слово! Я его видел!

– Может, показалось? – с сомнением спросил Кольцов. – Он ведь по правой дороге поехал. И потом: мы же на автомобиле. Как бы он успел?

– Да он это! Точно! Он еще вроде как рукой мне махнул, – и Бушкин внезапно бросился в толпу. Энергично работая локтями, он пробился сквозь людскую толчею на менее людное пространство. Кольцов пробирался следом за ним.

Выбравшись из толпы, Бушкин стал беспомощно оглядываться по сторонам.

– Вот здесь он был! Точно! Возле этой коновязи! Ну, не мог же я так обознаться! – убеждал он Кольцова. Затем взобрался на коновязь и стал сверху рыскать глазами поверх голов.

Фуражки, картузы, шапки, кепки, платки – и нигде ни одной папахи.

– Я сейчас! – крикнул Бушкин и побежал к воротам, где стояли с десятков подвод, линейек и, чуть на отшибе – их «фиат». Бушкин тщательно процедил взглядом оживленную площадь, но ни колдуна, ни его тачанки здесь не было.

Тогда он бросился к «фиату»:

– Вы этого, который на тачанке, в черной папахе здесь не видели? – тяжело дыша от бега, спросил он у пулеметчиков.

– Вроде никого такого не было. А что? Нужен? – ответил тот, что постарше.

– Да нет.

– Он же на Каланчак свернул.

Бушкин устало сел на подножку автомобиля, снял с себя шапку, вытер ею мокрое лицо.

Подошел Кольцов.

– Ничего не понимаю. Я ж его вот как вас сейчас видел, – сказал Бушкин.

– Ошибся. Бывает, – стал успокаивать его Кольцов. – Может, кто-то на него похожий. И вообще чего вы расстраиваетесь, Бушкин? Что нам до него?

– Не в том дело, – невпопад ответил Бушкин. – Мне его рожа жуть как не понравилась. Скривил ее и вот так рукой махнул. Он это был! Точно, он! – и, опустив глаза в землю, долго так сидел молча, потом с сомнением сказал: – Шут его знает, может, я и правда обознался?

* * *

Скрылись вдаль белые строения Аскании-Новы. День был солнечный, и теплом, грязью лужицами в колеях напоминал весенний.

Дорога была непривычно пустынной. Насколько хватал глаз, нигде – никого, ни телеги, ни лошади.

– Нам бы поворот на Владимировку не проскочить, – озабоченно сказал шофер.

Кольцов промолчал. Пригретый солнцем, он придремывал.

Они внезапно выскочили из-за невысокого скифского кургана – человек двадцать всадников, а сзади них, не слишком поспешая, катила тачанка.

Всадники мчались галопом, горяча себя и коней, и что-то устрашающее выкрикивая, палили в небо из карабинов. Стали разделяться надвое, пытаясь с двух сторон обойти автомобиль.

Тачанка выбралась на дорогу из вязкой степной почвы и тоже прибавила скорость. Ездовой кнутом стегал лошадей.

– Что это они? – с беспокойством спросил шофёр, не сразу поняв, что гонятся за ними.

– Прибавь ходу! – приказал Кольцов и, вытащив из кобуры маузер, положил его на колени. – Похоже, бандиты.

– Может, махновцы? – с надеждой спросил шофер. – Они и раньше тут по степи шастали.

– Какие махновцы? Махновцы на нашей стороне. Бандиты! Ты жми! Может, уйдем!

Шофер старательно давил на педаль газа, выжимая из автомобиля все, на что тот еще был способен. Двигатель вздыхал и захлебывался, но автомобиль нисколько не прибавлял скорости.

А всадники уже почти поравнялись с ними, и какое-то время мчались вровень. Было видно, как из-под лошадиных копыт отлетают комья грязи.

– Все, товарищ командир! – с отчаяньем выдохнул шофер. – Не получается быстрее!

Кольцов распахнул дверцу кабины, встал на подножку, закричал копошащимся возле «гочкиса» пулеметчикам:

– Ну, вы там! Почему молчите?

– З-заело, зараза! – отозвался пожилой пулеметчик и зло выругался.

Прозвенело боковое стекло, осколки разлетелись вокруг головы Кольцова. Несколько пуль громыхнули по дереву кузова.

Кольцов выстрелил по всаднику, пытающемуся выехать на дорогу. Видимо, пуля попала в коня, он резко остановился. Всадник перелетел через голову коня, но тут же вскочил. Конь тоже попытался подняться, и даже с трудом встал, но тут же снова упал на колени.

Бушкин выстрелил из карабина по приближающейся к ним тачанке. И заметил, что тачанка резко остановилась, а двое ее седоков засуетились. Кучер спрыгнул на землю и, похоже,

стал суетливо выпрягать раненую лошадь. Бушкин перевел ствол на всадников и продолжил стрелять.

– Что, гады! Живьем захотели? – заорал он. – Да здравствует Парижская коммуна!

Внезапно ожил «гочкис». Несколько очередей прошумели над всадниками, никого не задев.

Новые очереди выбили из седел двух всадников, и пулемет снова смолк.

– Сраная Америка! – с отчаяньем выругался пулеметчик, вновь принимаясь копать в заграничном нутре пулемета.

Ободренные наступившей тишиной, бандиты пустили коней в галоп и начали с двух сторон обходить автомобиль.

Перегретый мотор стал захлебываться, из заливной воронки повалил пар. Бандиты увидели это и, вырвавшись далеко вперед, окружая автомобиль, стали с двух сторон сходить к дороге. А двое уже даже выскочили на дорогу и неторопливо ехали впереди замедляющего свой бег автомобиля. Бандиты, похоже, уже не гнались за ними, а как бы сопровождали.

Всадники все больше приближались к автомобилю, уже не опасаясь ни очередей «гочкиса», ни редких винтовочных выстрелов.

Кольцов не стрелял, выжидая, когда всадники приблизятся: на тряской дороге прицельно стрелять из «маузера» было бессмысленно. Лишь Бушкин, продолжая что-то выкрикивать, наугад палил по всадникам, которые уже рысью скакали едва ли не рядом с замедляющей бег машиной.

– Ты, малый, перестань баловать! – крикнул Бушкину кто-то из бандитов. – Не то за яйца повесим!

– Не повесите! – тоскливо отозвался Бушкин. – На не чем! Нету тут дерев!

Один из всадников, красивый, с лихим чубом, выбивающимся из-под сбитой набок шапки, приблизился к кабине автомобиля. Кольцов понял: ещё несколько мгновений, они облепят автомобиль – и все закончится.

«Один патрон для себя, а остальными хоть тебя, красавец, с собой на тот свет заберу, а может, и еще одного или двух», – подумал он. Но еще не успел он поднять «маузер», как где-то неподалеку раздался разбойничий свист.

Дальше произошло и вовсе непонятное. Краем глаза Кольцов увидел, как красавец бандит резко отпрянул от автомобиля. Развернув коня, с силой хлестнул его плетью и помчался в степь вслед за скачущими во весь опор остальными поделниками.

Стоящая в стороне на дороге тачанка, с впряженным в нее одним конем, тронулась и тоже неторопливо попрыгала по примороженным степным бурьянам вслед за скрывающимися вдали бандитами.

Десятка два всадников проскочили мимо автомобиля, все еще медленно двигавшегося по дороге, и тоже помчались вслед за бандитами. Степь вновь стала безлюдной, пустынной. Лишь вдалеке маячила тачанка, которую тащила, надрываясь, единственная лошадь.

– Нич-чего не понимаю, – огорошенный происходящим, растерянно сказал шофер. – Что за игры в прятки? Похоже, одни бандиты у других добычу отбирают?

– Какую добычу? – не сразу понял Кольцов.

– Добыча, я так понимаю, это мы.

Автомобиль медленно тащился по дороге, за ним тянулся шлейф тающего на легком ветерке пара.

Впереди они увидели бородатого мужика в мохнатой бараньей шапке. Он стоял посредине дороги, широко расставив ноги.

– Смотрите, там! – показал шофёр.

– Вижу.

– Что делать?

– А что ты можешь?

– Ничего.

– Похоже, он – один. Справимся, – успокоил шофера Кольцов и, высунувшись в окно кабины, крикнул: – Вы там, наверху! Не стреляйте!

Автомобиль приближался к стоящему посреди дороги бородатому мужику. Космы шапки почти закрывали его глаза. По внешнему виду он ничем не отличался от тех бандитов, с которыми Кольцову доводилось встречаться у батьки Ангела. И позже, под Кременчугом, таких же он видел в банде у батьки Книша.

– Стреляйте! – умоляюще простонал шофер. – Развернемся – и в Асканию. Там – свои.

Но что-то удерживало Кольцова. И вовсе не всадники, которые должны были вот-вот вернуться. Другое. Какая-то непонятность происходящего. Они с собой ничего ценного не везли, что могло бы привлечь бандитов. «Гочкис»? Экая невидаль! Да и репутация у него была далеко не самая лучшая. Автомобиль? Он и вовсе бандитам ни к чему.

Стоящий посредине дороги бандит взмахнул рукой и при этом сделал характерное, приглашающее движение головой. И Кольцов вдруг понял, что он уже видел этого человека. Не просто видел – знал. Ему вспомнилось это произвольное приглашающее движение головой – память о давней контузии, и этот угрюмый взгляд из-под косматой шапки, и прокуренная борода.

– Останови! – приказал Кольцов. И шофер, который уже прикинул, как собьет этого бандита и как затем развернется и они попытаются бежать, неохотно нажал на тормоз.

Кольцов выпрыгнул на дорогу и, к изумлению и шофера, и двух братьев-пулеметчиков, и даже самого Бушкина, раскинув руки для объятий, направился к стоящему на дороге мужику.

Тот тоже, скупно улыбаясь, двинулся навстречу Кольцову.

Они обнялись и долго стояли так, похлопывая друг друга по спине.

– Здравствуй, Петро! Вот уж не предполагал, что еще когда-нибудь с тобой встречусь. Думал, Нестор Иванович тебя при себе придержит.

– Не придержал, – сказал бородач. – И, як видишь, в аккурат получилось. Не то быть бы вам сегодня в погребу у Савки Яценко.

Это был связник Нестора Махно Петро Колодуб. Кольцову доводилось иногда, по долгу службы, встречаться с ним и через него помогать Нестору Махно улаживать его некоторые конфликтные дела с большевиками. Махно помнил Кольцова и при случае напоминал о себе различными подарками в виде нужных красному командованию разведданных, если, конечно, они не могли пойти батьке во вред и никак не затрагивали его интересов.

Так, одним из последних его подарков оказался подпоручик Алехин, благодаря чему была раскрыта и ликвидирована хорошо задуманная бароном операция «Засада». Немаловажную роль в этом деле сыграл и Петро Колодуб, который своевременно подкинул Нестору Ивановичу мысль подарить бесполезного им пленного подпоручика, и сам с напарником не без приключений доставил его из Гуляйполя в Харьков.

– И батьке спасибо, и тебе тоже, – поблагодарил Колодуба Кольцов.

– На здоровьице, – скупно улыбнулся Колодуб. – Я и сам рад, шо так получилось. Ехал я сюда, щоб встренуть тебя и, по поручению батьки, кое об чем с тобой пошептаться. А получилась такая хренотень.

– Может, объяснишь, Петро, что все же случилось? Ехали мы тихо, ничего ценного не везли. Случайно нас эта банда зацепила, или же специально за нами охотились? – спросил Кольцов.

Он и утром, покидая Каховку, подумал, что Гольдман слишком перестарался. Ехали б себе тихо и незаметно на тачанке. Пулеметная тачанка сейчас не сильно привлекает к себе внимание здесь, в Таврических степях. А вот этот придурочный «фиат» с калекой «гочкисом» в кузове, который виден верст за пять вокруг, мог привлечь бандитский интерес. Ах, знать бы

все это заранее: и что дорога за Асканией опустеет, и что «гочкис» в нужную минуту подведет, и что автомобиль окажется не таким быстрым, как бандитские кони!

– Случайно, чи нет зацепил тебя Савка Яценко, сказать не могу. Не знаю, еще совсем недавно он в нашей армии командиром полка был. Батько его шибко уважал. Его и ще Каретникова. За грамотность, храбрость, хитрость, – стал обстоятельно отвечать Кольцову Петро. – Не знаю, какая блоха Савку укусила, шо ему было обещано, только он со своими хлопцами и ще Чалый и Савченко переметнулись до Врангеля.

– Что ж они тогда не в Крыму?

– А Врангель тоже мужик с кандибобером. Он Савку специально в Таврии оставил. Они на продовольственные, оружейные склады налетают, что спалят, что пограбят.

Подъехала тачанка, сопровождаемая тремя всадниками. Четвертый махновец правил тачанкой. В ней сидели, связанные, двое бандитов. Один из них – Кольцов узнал его сразу – был тот самый случайный знакомый в барашковой папаше. Он злобно взглянул на Кольцова и отвел взгляд.

– Этот и есть Яценко? – спросил Кольцов.

– Он самый. Видишь, заскучал. А батько его предупреждал: не ходи в чужие огороды. – Колодуб покачал головой и сказал уже самому Яценко: – Все, парень! Отбегался!

– А почему он назвал себя колдуном?

– Отрекомендовался? Успел? – мрачно улыбнулся Колодуб и объяснил: – То в селе у их кличка такая была: колдуны. Может, дед чи прадед были колдунами? А, может, хвастались так. Но кличка до их присохла: колдуны да колдуны! Савка часто так многих страшал: «Я – колдун! Я вас всех насквозь вижу!». И были такие, шо верили.

Кольцов подошел к тачанке, стал внимательно рассматривать Яценко, и тот не выдержал, опустил глаза.

Павел сознавал, что не благородно даже словами добивать поверженного врага, но еще не улеглось волнение – и он не выдержал, ответил на утреннее пророчество Яценко:

– Что ж, Колдун, ты угадал! – сказал он. – Встреча в конце пути у меня, и впрямь, оказалась незабываемая. Полагаю, ты ее тоже до самой смерти не забудешь.

Яценко ничего ему не ответил. Он словно не видел Кольцова. Выждав, когда к нему обернется Колодуб, сказал ему:

– Петро! А, Петро! Вроде как не узнаешь меня? А я когда-то твоим командиром был.

– Помню, как же! И молодого тебя помню. Может, и ты не забыл? Мы у Григория Охрименко свадьбу готовили, курам головы рубали. А ты до стены отвернувся и, смотрю, глаза закрыл. Шо ж с тобой сталося, Савочка? Ты ж теперь людям, я знаю, головы рубав.

Яценко мрачно выслушал слова Колодуба. Помолчал. И, лишь когда тот хотел было отойти, Яценко поднял голову, спросил:

– Скажи, Петро, меня до батьки в Гуляйполе повезут, чи тут порешите?

– То не моя забота. То як Сёмка Каретников распорядится. Он пока командует армией.

– Слыхал, – Яценко поворочался в тачанке, удобнее усаживаясь, попросил: – Подойди поближе, Петро. На два слова.

– А у меня од их секретов нету, – указал Колодуб на Кольцова и стоящих здесь же сопровождавших его красноармейцев.

– С большевиками спознались! – упрекнул Колодуба Яценко. – Не будет вам от них добра! Ох, не будет!

– Смолкни! – оборвал его Колодуб. – Ты уже все свое отколдовал.

Яценко помолчал, словно осмысливая сказанное Колодубом, и снова попросил:

– Ты все ж подойди.

Колодуб подошел.

– Поближе.

И когда Колодуб наклонился к нему, Савелий зашептал:

– Просьба у меня. По секрету. Не для чужих ушей. По старой памяти...

– Говори. Степь кругом, никто не услышит.

– А те? – Яценко указал глазами на Кольцова и красноармейцев, деликатно отошедших в сторону.

– А тем ты, Савочка, як коняке пятая нога. Да и у нас с тобой уже нету никаких секретов. Я так понимаю, уже и не будет. Говори, чего тянешь! – начинал злиться Колодуб.

– Ты, Петро, не вези меня до Каретникова. Стрельни тут, в степи, – горячно зашептал Яценко. – Скажешь, в бою застрелили.

– Шо тебе от того, где пулю примешь? – равнодушно спросил Колодуб. – Так хоть поживешь еще часок-другой, а то и сутки. Еще увидишь, як сонечко утром встает.

– Сыны у меня. Трое. Пусть думают, шо батько в бою загинул.

– Понимаю тебя, Савочка. Но ничем помочь не могу, – отходя от тачанки, сказал Колодуб. – В бою бы встренулись, другой коленкор. Сполнил бы твою просьбу. А в безоружных людей стрелять не приучен. Звиняй, не договорились, – и он кивнул возчикам: – Паняйте!

Тачанка тихо тронулась по дороге. Ее вновь обступили трое конных. Не почетный эскорт, охрана. Чтоб не сбежал бандит и чтоб другие бандиты его не попытались освободить.

– Петро! Петро! – издали прокричал Яценко. – Скажи, что б хоть веревки чуток ослабили! Больно!

– Езжай, езжай! – равнодушно отозвался Колодуб и вдруг вскинулся, зло закричал: – А тем четверем пацанам, шо ты на Егоровой балке порубал, им як, не больно было? И деду Макару из Великой Лепетихи, шо ты на воротах повесил, не больно? Езжай, езжай! Сам себе судьбу выбрал!

Тачанка с пленными поплелась по дороге.

А из-за кургана тем временем появилась странная кавалькада. Вслед за бравым всадником, тяжело переваливаясь на колдобинах, тащились четыре вместительных телеги, груженные различным крестьянским скарбом. Тут можно было увидеть и самовар, и настенные часы, подушки и одеяла, бочки, кастрюли, корыта, туго набитые чем-то мешки и деревянные ящики. На последней телеге ехала даже клетка с двумя десятками кур, а сзади, привязанная к задку телеги, плелась коза, она на ходу хватала подмерзшие стебли травы и увлеченно их жевала.

– Это ещё шо за дела? – гневно спросил Колодуб, когда телеги поравнялись с ним.

– У их спросить, дядько Петро, – указал молодой махновец на группку безоружных бандитов, окруженных всадниками. – За бугорочком стояло. Видать, ихние трохеи. Людям бы раздать, так нема туточки поблизу ни одного села. Мы ришылы до штабу доставить, хай начальствие распорядиться.

– Правильно, сынки, – согласился Колодуб. – Добро, оно и есть добро. Хоть тут и ничего путного, а все ж. Чого його на ветер кидать. Пошлем батьке в Гуляйполе. Вин там ранетый, пускай порадуетя. Может, Сёмка Каретников як-то по-другому распорядиться, то его начальственное дело...

Замыкали кавалькаду всадники, которые впереди себя гнали оседланных лошадей. Это были честные трофеи, добытые махновцами в бою с бандитами батьки Яценко.

Колодуб вместе с Кольцовым двинулись к «форду». Красноармейцы и Бушкин все это время сидели в кузове, обсуждая происшедшее. Еще минуты назад они были готовы умереть в бою, а сейчас уже посмеивались над какими-то байками Бушкина.

При приближении Кольцова и Колодуба, они спустились на дорогу и выстроились вдоль кузова.

Колодуб только сейчас по-хозяйски обошел автомобиль и, ни к кому не обращаясь, вынес свой вердикт:

– А коняка все-таки лучшее!

Кольцов улыбнулся, но промолчал.

Колодуб спросил у Кольцова:

– Она шо ж, до вас прикрепленная?

Вместо Кольцова ответил шофер Артем Кошевой:

– Тут такая диспозиция. Велено доставить товарища комиссара на место, и тут же вернуться обратно, – доложил он.

– Ну, так чего стоишь? Паняй, засветло вернешься. Только глядите по сторонам. Тут по степам еще две-три банды гуляют. С одной мы на днях под Мелитополем встрелились. Но она шустрее нас оказалась. Втекла. Теперь тоже где-то тут мотается.

– А товарищ комиссар как же? Я по приказу его до самого места обязан доставить, а уже потом возвращаться.

– Ты за товарища комиссара не беспокойся, считай, он уже на месте, – сказал Колодуб. – Вернешься, все как есть расскажешь. Моя фамилия Колодуб. Скажешь, ты товарища комиссара мне из рук в руки передал.

– А может, это... Ну, может, какую бы бумажку дали. Для отчетности, – засомневался Кошевой.

Кольцов достал из командирской сумки «вечное перо» и четвертушку бумаги и, пристроившись на капоте автомобиля, черкнул несколько слов: «Я и Бушкин в распоряжении повстанцев. Кольцов» – и вручил записку Кошевому.

– Отдадите Гольдману из хозуправления.

– А как же! Записка – это совсем другое дело! А то мало ли чего, вдруг бы не поверили, – приговаривая, Кошевой уселся на свое водительское место, рядом с ним устроился один из пулеметчиков.

Уже выглянув из кабины, Кошевой спросил:

– Товарищ комиссар, а, может, все же доведу?

– Паняй, паняй! – отпустил его Колодуб. – Мы дедовским способом, на конячках. Утекать нам не от кого, скорость не требуется.

Кольцов все же заботливо спросил:

– Доедете? Автомобиль-то исправный?

– А что ему, – улыбнулся Кошевой. – Разве что малость перегреется. Так нам тоже спешить некуда. А так она не хуже коня, окромя воды и бензина ничего не просит.

Тихо заурчал мотор. Кольцов приветливо взмахнул рукой:

– Спасибо вам! За всё!

Автомобиль развернулся и, обдав остающихся на дороге Кольцова, Колодуба и Бушкина синей гарью, резво побежал к Аскании-Нове.

А Кольцов и Бушкин вслед за Колодубом спустились в небольшой распадок²¹, где их ожидали две пулеметные тачанки.

* * *

Отдохнувшие кони резво бежали, тачанки мягко покачивались на раскисшей за день дороге. Вокруг было по-зимнему неуютно, пустынно.

Кольцов какое-то время сидел, опираясь на холодную станину пулемета. Заметив это, сидевший впереди, рядом с ездовым, Бушкин сгреб в охапку сено, высланное на дне тачанки, и заботливо притрусил им станину.

Кольцов благодарно ему кивнул.

Солнце клонилось к закату.

²¹ Распадок – мелкая ложбина или небольшая боковая долина, выходящая в главную; длинный овраг.

«Каким длинным оказался день, – в полудреме подумал Кольцов. – Каховка, дорога, танк, разоренная Черная Долина и почти нетронутая войной Аскания-Нова... Колдун, налет бандитов и неожиданное спасение... И все это за один короткий зимний день! А он еще не кончился, и кто знает, что еще приготовила ему на этот день судьба?»

Колодуб тоже тихо подремывал. Обогнули тачанку со связанным Савелием Яценко. Он сидел, низко опустив голову. О чем он думал? Может быть, тоже о догорающем дне, который круто развернул его жизнь и, кажется, собирался поставить в ней точку.

Когда они поравнялись с Яценко, он не посмотрел в их сторону, даже не шевельнул головой.

Затем они стороной объехали идущих по грязной дороге пленных бандитов. Молодые, крепкие парни, они бодро шагали по дороге, заранее зная, чем кончится их день. Пожурят, распишут по сотням, и отправят спать куда-то на сеновал. Что будет завтра, они не знали, да и не особенно стремились узнать. Были уверены, что о них подумает их новый командир, и завтрашний день не будет отличаться от последующих. Они были нужны войне.

Кольцов поворочался, поудобнее устраиваясь в тачанке.

– Я думал, ты спишь, – сказал Колодуб.

– Думаю...

– Полезное занятие, – хмыкнул Колодуб.

– Все понимаю, а этого никак понять не могу, – сказал вдруг Кольцов. – Какая гадалка подсказала тебе выехать сюда меня встречать? В самом деле, как ты до этого додумался?

– Ничего хитрого, – сдвинул плечами Колодуб и указал назад. – На том перекрестке вы должны были повернуть на Владимировку.

– Ну, правильно.

– А мы остановились в Громовке.

– В какой еще Громовке? – удивился Кольцов. – Вы же в штаб фронта сообщили, что стоите во Владимировке.

– То батькови хитрости. Он завсегда ночует не там, где все думают, – пояснил Колодуб. – Если говорит, шо будет в Гуляйполе, сам ночует в плавнях, на Вовчей речке. Ты бы знал, як на батька охотятся! И белые, и красные, и всякие разные. И, заметь, уже не первый год. А ему хоть бы шо – ни разу неожиданно не застукалы.

– Ну и как бы я вас нашел? – слегка возмутился Кольцов. – Прямо, игры в прятки.

– Ты нас не найшов бы – мы б найшлы, – спокойно сказал Колодуб. – Мы во Владимировке втори сутки связника держим. А тут, в аккурат, ваш товаришок на Владимировку выйшов. Сообщив, шо вы выехали. Каретников и послав, щоб я встренув. Шоб не блукалы по степам. И так, на всякий случай. Знав, шо где-то тут Савка Яценко села потрошит.

– Но я-то ему зачем? – спросил Кольцов. – Какая с меня бандиту пожива?

– Вопрос в точку. Я и сам сегодня об этом подумал, – сказал Колодуб. – Савелий – мужик хозяйственный, не стал бы без выгоды за вами гоняться. Может, откуда-то узнав, шо вы персона важна? Может, хто попросыв об одолжении, у кого до вас интерес есть?

Солнце стало быстро клониться к горизонту. Где-то совсем недалеко тяжело плескался соленый Сиваш, и от него потянуло колючим ветерком. Под копытами стал слегка похрустывать молодой ледок.

Колодуб долго молчал, задумчиво глядя на дорогу, а потом снова обернулся к Кольцову:

– Я Каретникову подскажу. Интересный вопрос. Нехай он у Савки все повыспросит. Каретников умеет так выпрашивать, шо ему, як попу на исповеди – все открывают.

Глава шестая

Громовка в одночасье ожила. Со времени основания это унылое волостное татарское село не видело столько людей.

Ещё дня два назад на взмыленных конях сюда влетели несколько всадников-квартирьеров и стали торопливо прочесывать улицы, выбирая дома для размещения штаба махновской Повстанческой армии, госпиталя и других армейских служб.

К вечеру с мелитопольского тракта сюда, в Громовку, завернула почти вся махновская армия. Осторожный и недоверчивый Нестор Махно больше тысячи бойцов оставил при себе, в Гуляйполе. На всякий случай. Около четырех тысяч во главе с Семеном Каретниковым заперли громовские улицы. И почти до самого утра махновцы, тесня хозяев, размещались в домах и других строениях. Жилья на всех не хватало, и устраивались в клунях²², сараях, хлевах и конюшнях.

Скрипели тачанки, ржали лошади. Горластые махновцы ссорились и едва ли не дрались друг с другом из-за какого-нибудь курятника или бани. Лишь к утру на какой-то час-полтора все в изнеможении затихли.

Начальник связи Михаил Дерменжи поднял на крыше хаты, занятой под штаб, высокую деревянную мачту. И еле-еле стоявший на ногах от недосыпания исполнявший обязанности командира Повстанческой армией Семен Каретников, прежде всего, связался с Гуляйполем и доложил Махно о том, что, захватив Мелитополь и Акимовку, армия разместилась возле самого Сиваша, и до Крыма отсюда рукой подать.

– Постарайся, Сёмочка! Крым нам як воздух нужен, – ответил Каретникову Махно.

Второе сообщение Каретников отправил в штаб Южного фронта. Придерживаясь извечной тактики Нестора Махно «не класть все яйца в одну корзину» и не быть ни с кем откровенным до конца, он сообщил Фрунзе, что Повстанческая армия разместилась во Владимировке. На самом же деле, туда он отправил всего лишь один полк и держал там несколько связников. Каретников тоже, как и Нестор Махно, не слишком доверял большевикам.

В Старобельске, во время переговоров с делегацией Красной армии о перемирии и совместных действиях, Махно был, но на совещании не присутствовал. Недели за две до совещания во время боя пуля раздробила ему ступню. Тяжелейшее ранение. Встал вопрос об ампутации ноги. Нестор обратился за помощью в Москву. Нарком здравоохранения Семашко прислал к нему лучших хирургов, они сделали почти невозможное: спасли ногу.

Но даже на койке, претерпевая мучительные боли, Нестор внимательно следил за ходом переговоров: ему ежедневно сразу же обо всем подробно докладывали. Он сам редактировал некоторые пункты соглашения и отстаивал каждую свою строку.

Когда закончились переговоры, Нестор пригласил к себе самых доверенных своих командиров и, подводя итоги совещания, сказал:

– Не очень хороший договор. Где-то в нем заложена брехня, но где, я пока не понял. Но она тут есть, слишком легко большевики сдавали свои позиции. Так шо смотрите, хлопцы, в оба. Не на все пуговицы расстегивайтесь.

Размещая основные силы армии в Громовке, Каретников осторожничал: в случае какой-либо каверзы со стороны большевиков, даже небольшая фора во времени имела значение.

²² Клуня – помещение для молотбы хлеба и складывания снопов.

* * *

Колодуб привёз своих пассажиров в Громовку уже затемно. Их разместили в чистенькой горнице с бумажными цветами, украшающими портреты юных хозяина и хозяйку, с вышитыми рушниками, развешанными над божницей и по стенам.

Уже немолодая хозяйка, в которой с трудом можно было узнать ту юную красавицу с портрета, предварительно постучав, встала в проёме двери. Смущённо поздоровалась, спросила:

– Не желаете умыться с дороги? Я согрела воды, – и затем добавила: – Могу подать чай. Только он у нас свой, громовский, заваренный смородиновым листом.

Едва они умылись, вернулся отлучавшийся куда-то Колодуб. Положил на стол завернутый в холстину свёрток.

– Это – на вечерю. Каретникову о вашем прибытии доложил. Просил с дороги отдохнуть, а с утра уже встренетесь.

Ночью Кольцову не спалось. Он ещё и ещё раз пересматривал события прошедшего дня. Но больше всего размышлял о последнем приключении. Эта встреча с «колдуном» Яценко, как постепенно начинал понимать он, была вовсе не случайной, и его легкомыслие едва не стоило им с Бушкиным жизни.

Похоже, «колдуна» интересовал именно он. Яценко следил за его поездкой едва ли не с самой Каховки. Но вот загадка, зачем он Кольцову открылся? Мог бы спокойно наблюдать за ним со стороны и, если это входило в его намерения, в подходящий момент пленил бы его или убил. А он едва ли не от самой Каховки мелькал у него перед глазами. Что это, бравада? Эдакая игра в кошки-мышки, где ему отводилась роль мышки? Или здесь что-то совсем другое? Допустим, где-то в Особом отделе или в Штабе фронта сидит хорошо законспирированный враг. Но почему он обратил свой взор именно на него? Кому он нужен? И зачем?

Придремал Кольцов уже под утро.

Разбудил его и Бушкина заполошный петух, такой же голосистый, как и его французский собрат из Флёри-ан-Бьер. Опасаясь, что и этого красавца украдут, как до этого украли всех её кур, хозяйка держала его возле себя, поселив в своей спальне.

Наскоро одевшись, они решили прогуляться, познакомиться с бивуачной жизнью повстанцев. Старый рыжий пес, страж дома, завидев их, не выбрался из своей конуры, лишь выполняя возложенную на него должность, пару раз брехнул в их сторону.

Громовка тоже уже не спала. Дворы, огороды и улицы были заставлены пулеметными тачанками, возами, арбами и крытыми брезентом санитарными телегами. Перекрикивались через улицу ездовые. Фуражиры развозили невесть где раздобытое сено, и кое-где из-за него возникали ссоры. Подвоза сена не было уже третьи сутки и оголодавшие кони вставали на дыбы, грызли дерево тачанок и возов и сердито ржали. Торопливо проносились по своим спешным делам всадники. Стояли шум, ругань...

Всё это было похоже на цыганский табор, такой же суматошный и крикливый.

Кольцов и Бушкин ходили по улицам в той же большевистской, командирской одежде, и почти никто не обращал на них никакого внимания. Ни один человек, хотя бы даже из интереса, не остановил их и не спросил, кто они такие и почему здесь. Если кто-то их и замечал, то лишь с интересом и даже удивлением смотрел им вслед. Не более того.

Когда возвращались обратно, один их ездовых долго провожал их взглядом. Потом обогнал их, повернулся, пошел навстречу. Кольцову показалось, он пристально всматривался в его лицо, мучительно пытаясь что-то вспомнить. Вновь догнал их, пошёл рядом. И, лишь пройдя полквартала, мужик вдруг сказал:

– Драстуйте! Чи не призналы?

Кольцов внимательно оглядел махновца. Невысокий, цыгановатый, уже далеко не молодой. В обтрепанной и прожжённой возле костров одежде, он был Кольцову не знаком.

– Я – Петро, – напомнил махновец.

– А я – Павло, – дружелюбно улыбнулся Кольцов.

– Я вас сразу признал, – сказал махновец. – Живи, здорови?

– Как видишь, живой, – ответил Кольцов, понимая, что махновец попросту ошибся.

– Во! Видать, не судьба! Видать, вам тогда друга карта выпала. Червова чи бубнова.

«Тогда»! Кольцов начал напряженно вспоминать. В какое-то мгновение ему показалось, что когда-то давным-давно он уже видел этого человека, или похожего на него. Но когда? И где?

– Ты бы, Петро, напомнил, где мы с тобой встречались? – спросил Кольцов.

– Не помните? – удивился махновец. – Ну, як же! Вы в штабу у Нестора Ивановича, на Вовчей речке. Мне, если помните, тода поручили вас... тое самое... ну, отвести... – мялся махновец.

И Кольцов вдруг вспомнил ту узкую тропу вдоль речки Волчьей, утреннего рыбака с уловом. Даже душистый запах полыни...

– До кривой вербы? – напомнил махновцу Кольцов.

– О! Бачьте! Вспомнили! – обрадовался тот. – До вербы ще далеченько было, ага. А у меня, як на грех, гвоздь в ботинке вылез. Впился в ногу, спасу от боли нема. Иду и думаю, ну, зачем ему до кривой вербы? Яка ему – вам, значить – разница, дэ лежать. Стрельну, думаю, тут, и сразу ж сниму ботинки.

– А ты б сперва снял ботинки, – совсем будничным тоном посоветовал Кольцов, словно речь шла вовсе не о нем, и на расстрел Петро вёл не его.

– А нельзя! При исполнении нельзя, щоб не по форме. Нестор Иванович рассердится, если хто доложит.

– Да кто ж там мог доложить?

– А напарник. Или хто другой. У Нестора Ивановича везде свой глаз. Даже там, где его не должно быть! – Петро удивлённо покачал головой: – Это ж надо, где встренулись!

– А могли ведь больше и не встретиться, – улыбнулся Кольцов и, между прочим, спросил:

– А напарник твой, он тоже здесь?

– Федька Лукьянченко? Нема Федьки. Убили его... – И, вздохнув, добавил: – Видать, ему пиковая карта выпала.

– И кем же ты здесь, в армии? – поинтересовался Кольцов.

– При пулемёте. В полку у Фомы Кожина.

– Ну, будь здоров, Петро. Рад, что мы всё же на этом свете встретились. – И, пожимая махновцу руку, Кольцов сказал: – Ты, когда будешь стрелять в человека, сперва немного подумай. Может, и не захочется курок нажимать.

– Э-э, не! Хоть вы теперь и большой начальник, а совет ваш никудышней, – не согласился Петро. – Если б я в бою думав, мы с вами уже точно не встренулись. Там, хто быстрее, тот и живой. Я, слава тебе, Господи, быстрее был.

– В Бога веришь?

– А вы – нет? – в свою очередь, спросил Петро и, словно уличив Кольцова в обмане, укоризненно покачал головой. – Верите! Иначе мы б с вами уже, точно, не встренулись.

* * *

Штаб Повстанческой армии разместился на небольшой сельской площади в доме купца Болбачану, который в семнадцатом году предусмотрительно бежал к себе в Румынию, оставив при доме в качестве охраны свою далекую родню.

Родичи купца не знали ни русского, ни украинского языка, а сельчане не знали румынского. Так они и жили, два народа в одном селе, никак друг с другом не соприкасаясь.

Махновцы оставили их при штабе, но переместили в пристройку для прислуги. С утра и до вечера пожилая румынская пара сидела на скамейке у распахнутых ворот и, ничего не понимая в происходящем, лишь иногда тяжело вздыхая, молча наблюдала за суетной штабной жизнью. Временно исполняющий должность командира Повстанческой армии Семен Никитович Каретников встретил Кольцова радушно, слегка обнял, повёл к обеденному столу, заменяющего канцелярский, усадил. И лишь после этого сказал:

– Много про вас слыхав.

– От Нестора Ивановича?

– И от него тоже. Это он попросив Фрунзе, щоб вы представлялы тут, у нас, Красну армию.

Кольцов промолчал. Он исподволь присматривался к этому человеку, с которым ему предстояло прожить не один день и на равных заботиться об успехах их общего дела. Круглолицый, высокий, с усами «под Нестора Ивановича», он производил впечатление человека мягкого, сговорчивого. Но как позже убедился Кольцов, внешность Каретникова была обманчива. Был он трудно сговорчивым, на редкость упрямым, а порой и излишне жестоким.

Свой кабинет он расположил в большой гостевой горнице, обставленной с дешёвым купеческим шиком, где с трудом уживались рядом ампирная мебель и тяжелые, кованные медью неуклюжие и тяжелые крестьянские сундуки (скрины), сулящие счастливую жизнь. Вырезанные из кости слоники соседствовали с богатым майсенским фарфором, дорогие картины – с бумажной мишурой. Лишь большая и подробная карта Крымского перешейка потеснила на одной из стен бумажные цветы.

Кольцову понравилось, что Каретников не сделал в кабинете никаких перестановок. Это говорило о нём, как о человеке деловом, целеустремлённом, не обращающем никакого внимания на свой быт, на удобства, уют.

Каретников тоже выжидал паузу. Они, как боксеры, ожидавшие гонга, откровенно рассматривали друг друга. Затем Каретников спросил:

– Ну и как жить будем? Скажу сразу: не люблю, когда шо-то в себе, а потом где-то там кому-то на ушко. Люблю, щоб – в глаза. Само злое, но – в глаза.

– Сойдёмся, – коротко сказал Кольцов.

– И давай зразу, ще на берегу договоримся. Советы воспринимать буду, а вот командовать вдвоём не умею. И привыкать не стану. Шо не по нраву – скажи. Если соглашусь, исправлю. А если не исправляю, стерпи. И не мешай. Это тебе не Красна армия, где вы мужика по струнке строите. У нас вольнолюбивые мужики, с характерами. Деда-прадедеды запорожскими казаками булы. Приказами имы не покомандуешь. Ладком з ными надо, уговорами. А не то, на коня – и до дому!

– Для меня это не слишком привычно, но понятно, – вопреки ожиданиям Каретникова, Кольцов не насупился, а, наоборот, дружелюбно ему улыбнулся. – Думаю, мы не только сработаемся, но и сдружимся.

Дверь в кабинет резко распахнулась, и в проеме встал высокий сутулый усач с обмотанной шарфом шеей.

– Шо тебе, Петро? – Обернулся на дверь Каретников и затем, взглянув на Кольцова, представил вошедшего: – Мой начальник штабу Гавриленко!

Начальник штаба двинулся к столу, а следом за ним в горницу с опаской протиснулись человек десять взъерошенных мужиков.

– Вот, Семён, до тебя просются, – простуженным голосом сказал Гавриленко, но, поймав на себе гневный взгляд Каретникова, сразу сориентировался: – Я и докладую, Семён Мыкытович, до вас рвутся.

– Шо за люди? Откуда?

Мужики загалдели, перебивая друг друга. Каретников пытался что-то понять, но не смог. И тогда он грохнул кулаком по столу, крикнул:

– А ну! Ти-хо! Шо за цыганский табор? Нехай хтось один ваше дело перескаже! Хто пограмотнее!

Мужики посовещались и вытолкнули из своего круга маленького тощего мужичка в сбитом на затылок заячьим треухе. Вид у мужичка был задиристый, он походил на драчливого петуха.

– Мы, как бы это сказать, от общества... как её... делегация, – начал мужичок. – Дело у нас простое. Сами мы – иркутские, там советку власть устанавливали. Ванька Романов нас до кучи собрал и обманом сюда. Назвали Тридцатой сибирской. А тут...

Мужичок в нерешительности смолк, оглянулся на своих.

– Говори, чего там!

– Выкладывай всё, без утайки! – поддержали своего выдвиженца мужики.

– Я и говорю! Поглядели мы на советку жисть, пока сюда ехали, и промеж себя так решили: нам такая советка власть пока ещё не очень подходит. Мы бы и не против, но чтоб без большевиков, – закончил мужичок-грамотей свою речь.

– Нам бы до вас! Очень нам ваша власть нравится, – сказал кто-то из «делегатов».

Каретников выразительно взглянул на Кольцова, дескать: обрати внимание! Но тот слушал, никак не выказывая своего отношения к происходящему. Махновщина уже давно стала явлением, распространившимся за пределы левобережья Днепра, и он, отправляясь сюда, был готов к подобному.

– А откуда вы знаете, какая у нас власть? – спросил Каретников.

– Известно какая – анархическа. Мы там, у себя в Сибири, ваши листовки читали. И уже здесь с мужиками толковали. Большинство сходится на том, что нам её подменили...

– Кого? – не понял Каретников.

– Я и говорю, советку власть, – несколько стушевался грамотей. – Обещали одно, а выдали, вишь ли, другое. Как на ярмарке. Там тоже такое фармазоны проделывают.

– И чем же это перед вами большевики провинились? – не выдержав, вмешался в разговор Кольцов.

– Чем, чем?... – стушевался оратор. – Известно, чем...

– Землю ещё в семнадцатом обещали раздать, а где она? – пришел на помощь грамотею кто-то из его окружения.

И посыпалось.

– Последнее из амбаров выгребают!

– Продотряды, заградотряды!

– Слух прошёл, коммунии затеяли.

– У их там всё обчее, даже бабы.

– Я свою отдал бы в коммунию, можа мне каку помоложее выпишуть, – осклабился своим беззубым ртом дедок.

– Тихо! – придя на помощь Кольцову, вновь повысил голос Каретников. – Шутки в таком деле не принимаю. Я и сам, если по делу, могу пошутковать. Если вы с Сибири до нас за землёй пришли, то вон за Сивашом Врангель. Он ещё летом манифест насчет земли объявил.

– Врангель нам не подходит. Он не задаром – продавать её будет. А кто купит? Известно, богатеи. Тот же помещик.

– Всё знаете, а дураки! – сказал Каретников и, выждав, когда все смолкнут, перешел на доверительный тон. – Хочу открыть вам один секрет. Это уже без всяких шуток. Малость вы опоздали. Чутки бы раньше, приняли бы вас до себя с дорогой душой. А сейчас – всё! Лавочка закрылась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.